

БОРИС ПОЛИН

БАГРЯНОЕ ЗАТМЕНИЕ

Борис Полин

Багряное затмение

«Издательские решения»

Полин Б.

Багряное затмение / Б. Полин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748351-7

Но способны ли понять ее все остальные, даже если перед ними приоткроется полог тайны?... И так ли это просто, когда вокруг тебя происходят события, заставляющие поверить, что зло — это умело замаскированное добро, а «белое» имеет множество оттенков — от светло-серого до иссиня-черного (для понимающих). Читайте, думайте и не спешите делать выводы до самой последней страницы. Ведь все может оказаться совсем не таким, как кажется!

ISBN 978-5-44-748351-7

© Полин Б.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1 В нашем мире	6
За полями. Вместо пролога	6
Глава 1. Суббота	11
Глава 2. Воскресенье	27
Глава 3. Понедельник	35
Глава 4. Вторник	55
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Багряное затмение

Борис Полин

© Борис Полин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1 В нашем мире

*Я не смог спасти Мир,
Спокойно, не надо кричать!
Сдаюсь, я в руках правосудия,
И значит, мне отвечать. То холодно, то тепло,
У своих воруюсь.
Если нужно согреться – встаешь, Прикуриваешь и куришь...
Героев осталось мало – Я буду скучать!
Постараюсь забыть про всех, Я буду
Как можно больше молчать...*

Группа «Смысловые галлюцинации» «Лед» (альбом «Звезды-3000»)

За полями. Вместо пролога

По ходу повествования автор умышленно избегал субъективных оценок и излишней детализации отдельных аспектов жизнедеятельности российского общества. Читатель, живущий реалиями современного мира, сможет самостоятельно сделать правильные выводы.

На первый взгляд мир, описываемый в романе, что называется, «в порядке». Жить стало лучше, жить стало веселее. Но есть отдельные нюансы, говорящие о многом. Например, правозащитники даже сегодня, на исходе второго десятилетия XXI века, спорят о необходимости и законности ужесточения УК РФ. Особенно это касается введения по ряду статей сурового наказания не только за совершение преступления, но и за его подготовку. С этим, покрывив душой, можно было бы смириться, уповая на то, что действительно честному человеку ничего не грозит. А как быть с усилением силовых структур и получением ими практически неограниченного права на вторжение в частную жизнь? А ущемление конституционных прав граждан на свободу слова или введенная для госслужащих обязательная процедура периодической «проверки совести» на гипнографе? И как закрыть глаза на безумные (но, без сомнения, важные, выверенные и целесообразные) оборонные расходы?

В этом плане очень примечательна выдержка из личного дневника одного второстепенного героя данного повествования. Может быть, вы даже знакомы с этим человеком, периодически встречались с ним на улице, в подъезде или бывали в общей компании, кто знает? Это его частный взгляд на современную ему бытность. В чем-то спорный, в чем-то объективный. В чем именно – судить вам.

«...17.09.2019 г. Сегодня почему-то решил написать о том времени и месте, в котором я сейчас живу. Постараюсь мыслить непредвзято, но это будет трудно. Ведь я из того самого поколения, что еще помнит автобусы без кондукторов («совесть – лучший контролер»), красные галстуки (старший брат еще успел, а я уже нет). А какие были демонстрации на 1 Мая! На улице теплынь, народу – тьма, в глазах пестрит от кумачей, воздушных шаров и бумажных цветов на длинных палках. И я – в шапочке со смешным бумбоном и с красным бантом, приколотым к курточке, – радостный и слегка ошалевший от общей суеты. Сиж у отца на плечах, высоко над колыхающимся морем голов, транспарантов и флагов, и крепко сжимаю в кулачках его несчастные уши.

Потом империя рухнула и «гремящие девяностые» показали нам, что любая сказка может вдруг превратиться в триллер».

Через одну страницу:

«...Едва погасили первый кавказский пожар, случилась новая напасть – дефолт. И так год за годом. Какие, к чертям, стабильность и порядок?! Жрать нечего, чумазые и злые шахтеры

касками по асфальту перед Домом правительства стучат, а колхозникам и рабочим такими глупостями заниматься некогда – пьют. Родильные дома стоят пустые, зато абортарии пашут, словно конвейер, – по-стахановски. Молодые девахи, те, кто посимпатичнее, как тараканы из страны разбегаются. Кто-то из них навеки сгинул в азиатских публичных домах, но некоторым удача улыбнулась – вышли замуж за европейских и американских сантехников.

А тем временем тучи на политическом фронте сгущались. Россия напоминала ребенка с молотком – опасного прежде всего для самого себя. Скорее отберите опасную игрушку, дайте по заднице и поставьте в угол! Наверное, именно для оказания такой услуги дружественные военные из НАТО продолжали наращивать группировку сил и средств вокруг России, размещая военные базы в опасной близости от ее границ. А еще они помнили, что одним из факторов, решивших исход «холодной войны» и судьбу Советского Союза, стала победа в «идеологическом противоборстве». Ничто так не разрушает государство, как Гражданская война, когда доверие к власти падает до нуля. Запад попытался пройти проторенной дорожкой во второй раз. Спецслужбы стран-соперников и ранее, непосредственно после распада Союза, прилагали усилия к тому, чтобы расшатать российское общество изнутри, но делали это тонко, умело. Когда обыватели очнулись от состояния слепой любви ко всему американскому, эти процессы стали заметны в гораздо большей степени. Помимо этого, даже самые тупые наконец-то осознали, что неспроста на рубеже двух веков деньги и военные советники-наемники непересыхающим ручейком вливались в беспокойные кавказские республики. Любой житель России назовет с десятков городов, сел и просто мест, названий которых никогда бы в жизни не узнал, если бы не полыхающий Кавказ. Грозный, Беслан, Ханкала, Кизляр, Буденновск, Шали, Назрань, Щелковская, Моздок... Нельзя приобретать знания географии Отечества таким путем.

В итоге народ ободрался демократией до того, что начал с ностальгией вспоминать 1937 год.

– Нехорошо как-то все вышло. Кто бы мог подумать! – сказал мне по этому поводу ярый демократ и правозащитник г-н Кац, пакующий чемоданы перед выездом на историческую родину.

Но власть вовремя осознала, что государство трещит по швам и скоро начнет терять территории. Впервые за долгую историю страны Правитель добровольно уступил трон и публично произнес: «Я устал, я ухожу». Преемник, подхватив порядком заплеванной триколор, засучил рукава, и началось...

Беспредел «дикого капитализма» приостановили, самых оголтелых бандитов упрятали за решетку, сепаратистов-террористов и радикальных экстремистов загнали в глубокое подполье и отстреливали поодиночке, как заразных животных...

– А я вот приехал посмотреть, как тут у вас. А то у нас там стреляют... – сообщил мне старый знакомый г-н Кац, распаковывая чемоданы.

А у «нас тут» остро встал вопрос – а что делать дальше? В ту пору я как раз окончил вуз, прошел отбор в Контору и окунулся в самую гущу событий.

Колесо истории раскручивается по спирали. Видимо, кто-то на самом верху вспомнил заветы самодержца всея Руси Петра Великого, оставившего после себя уникальный опыт преобразования страны. Первым делом – меры административно-управленческие. Чем меньше регионов с удельными князьками, тем легче навести порядок. Регионы – объединить, царьков, тех, кто заворовался, заменить лояльными и толковыми ставленниками. Причем лояльность должна быть на первом месте. А чтобы руку государеву на загривке чувствовали постоянно и не забывались – вот вам генерал-губернаторы и новая территориальная единица – федеральные округа. Почему-то после этого налоги в казну стали поступать регулярно и в значительно больших суммах, чем раньше. Пустили их на развитие экономики. Да и цены на энергоносители весьма кстати поднялись.

А кто там вякает? Недовольные? Вносят смуту в умы простых тружеников. А ведь это вредно и от простого труда вельми отвлекает. Телеканалы и прочие СМИ закрывать нет необходимости. Просто небольшие кадровые перестановки в руководстве и легкая воспитательная беседа: «Понимаете, господа, четвертая власть своими действиями в конце XX века достаточно вреда России принесла. Может быть, стоит думать, прежде чем грязь в массы двигать? Вы же не все к „желтой“ братии относитесь. Больше солидности в суждениях, меньше паники. Договорились? А вот вы, вы и вы будете в оппозиции, ибо без здоровой критики Власть чахнет. Работайте, господа, вам никто не мешает!» Петру Великому в этом плане было проще. Те, кто на базарных площадях частушки клеветнические распевал, отлавливались, клеймились и по колено в болоте, хлюпая вырванными ноздрями, строили новую столицу. Частушечников тогда быстро переловили. Потом взялись за тех, кто их по неосторожности успел послушать и словечки вредоносные запомнить.

Представители СМИ, нормально усвоившие школьный курс истории Отечества, оказанное уважение оценили. Доверие народа к власти возросло до невиданного со времен октябрьского переворота уровня. На фоне позитивных тенденций в вопросах оздоровления общества все рельефнее вырисовывалась «задачамаксимум»: необходимость реализации превентивных мер, позволяющих качественно противостоять возрастающему потоку порнографии и наркотиков, идущих в страну по различным каналам, а также влиянию навязываемых через «свободный» Интернет деструктивных поведенческих моделей. В это время из школ во взрослую жизнь хлынули молодые девушки и юноши, чье детство пришлось на те самые «бурные девяностые» и которые в четвертом классе на вопрос: «Кем ты хочешь быть?» – отвечали: «Бандитом, как дядя Леня!» или «Женой олигарха, как тетя Марина!» В большинстве своем это были вполне адекватные молодые люди, однако педагоги в вузах, работающие в плотном контакте с ними, почувствовали разницу между этими и предыдущими наборами. Дело касалось не каждого конкретного студента, а мироощущения всего коллектива. И почему-то всех возмущало, но не удивляло то, что курсанты одного из высших военных учебных заведений сдавали деньги в кассу организованной преступной группировки – «на общак», братков в зоне подогреть. Или когда преподавателю школы милиции (то бишь юридического института, все время забываю эти новые названия!) его же ученики, подрабатывающие в свободное время сутенерами, привезли «под заказ» девушку-курсанта с первого курса. Привезли – удивились – извинились – увезли.

Власть понимала, что эти люди, закончив обучение в вузах, впоследствии сменят их у руля. Началась битва за молодежь. Брошенный в массы призыв к здоровому образу жизни был подхвачен на удивление дружно. Заниматься спортом стало модно. Бизнесмены, вкладывающие деньги в спорт и сопутствующие товары, были в выигрыше. Государство не отставало: школы олимпийского резерва, гигантские спорткомплексы, льготы и материальная поддержка для одаренных детей-спортсменов. Знак новой эпохи – отсутствие очередей в «Макдоналдс» и триумфальное возвращение в мировые кинотеатры российского кино. Вроде бы это случилось так недавно, но уже новое поколение жителей России не знало другого, прежнего, текста Государственного гимна.

Первая декада XXI века завершилась для россиян на волне всеобщей эйфории, сквозь которую робко пробивались раздающиеся отовсюду тревожные звоночки.

Оказалось, что казну наполнили вовремя – грянул очередной финансово-экономический кризис, после которого дефолт 1998 года показался легким насморком. Пережили и его с божьей помощью. Но чего это стоило! Случись такое пятнадцать лет назад, когда Народ и Власть напоминали врагов по разные стороны баррикады, – стране хана. Но на то История и существует, чтобы извлекать из нее уроки. Затянули потуже пояса, а заодно, под шумок, национализировали несколько отраслей экономики. Короче, выдержали.

А в это время, пока Европа и Америка разбирались с кризисом, в арабском мире набирала обороты идея Всемирного исламского халифата. Почему-то мусульмане восприняли падение доллара как сигнал от Аллаха к необходимости объединения всех правоверных. Теория эта развилась, окрепла и, выбравшись из экстремистского подполья, перешла в новую, практическую, плоскость. Для многих стран Ближнего Востока законы шариата стали единственной правовой нормой, определяющей их жизнь. Даже Турция стояла на распутье и вскоре вполне могла расстаться со статусом светского государства. Бывшие республики Советского Союза с преобладающим мусульманским населением, в XXI веке объединившиеся вместе с Россией и КНР в Шанхайскую организацию сотрудничества, еще держались. Вновь неспокойно зашевелился Кавказ, в некоторых его областях уровень террористической угрозы был поднят до синего и кое-где желтого уровня. Миграционная служба сбилась с ног, отлавливая нелегальных мигрантов из стран Ближнего Востока, с маниакальным упорством пытающихся осесть в столице и крупных городах. Китайцы по своему обыкновению отсиживались за Великой стеной и ждали, чем все закончится. На всякий случай власти Поднебесной ввели всекитайский бойкот сети Интернет и смертную казнь за незаконное владение оружием. При этом они не забывали давить доморожденных сепаратистов, так что эмиссары халифата в их сторону даже не глядели. Зато лоскутное одеяло Российской Федерации манило их с непреодолимой силой.

Чтобы обезопасить себя от угрозы терроризма, как внешнего, так и внутреннего, российским законодателям и правоведам пришлось попотеть. Законы были ужесточены, принцип «с террористами не договариваемся» провели через общероссийский референдум. Семьдесят пять процентов голосовавших – за, девять процентов – против, остальные воздержались.

Но политики понимали, что противостоять враждебной идеологии можно, только имея собственную. Поэтому вновь встал вопрос о цементирующей основе любого государства – национальной идее. Про нее, оказывается, не забыли, просто на время «всемирного экономического кризиса» положили под спуд – чтобы сок дала.

– Бесплезно, голубчик, – сказал бессмертный г-н Кац, теперь владеющий процветающим турагентством и бесперебойно снабжающий паломниками Святую землю. – Имелась у вас такая идея: «За Веру, Царя и Отечество», так просрали вы ее. Потом еще парочка суррогатов была, но они не прижились. А вот янкесы, например, придумали всех-всех-всех свободой наделить. И за эту идею несколько стран разбомбили, включая Югославию. Кто ее сейчас помнит, Югославию? Звездно-полосатым теперь тоже нелегко – надорвались, болезные. Так что ниша практически свободна. Может, вам стоит этим воспользоваться?

На хрен янкесов и их национальную идею. Эти бессребренные сеятели добра и справедливости с оловянными глазами до сих пор не могут успокоиться. «На тебе демократии кусок, бесплатно, то есть даром! Не хочешь, неблагодарный? А может, ты злой террорист?! Мочи его ради национальных интересов и права на неприкосновенность частной собственности». Не получится у нас такими стать, к счастью. Должно быть что-то более возвышенное, чем простое стремление обезопасить свой личный рай от возможной угрозы со стороны развивающихся народов.

Патриархи Русской православной церкви, отравившей мускулы со времен прошлых гонений, не преминули в очередной раз заметить, что только вера способна сплотить народ. Политологи и социологи уважительно покивали умными головами и спросили: «Какая именно вера, пастыри?» – «Православная, само собой!» Гм-м-м... Накладочка вышла. Не успели в царской России всех в официальную государственную веру обратить, да и не ставили перед собой такой задачи. Большевики поступили еще проще, попытавшись доказать, что Бога нет. Теперь не было самих большевиков. При этом ныне в некоторых регионах России православные оказались в меньшинстве. Что поделаешь, страна-то многонациональная! Щекотливость ситуации отягощалась непростым отношением подруги-Европы к исламу в связи

с известными событиями. Поэтому российская власть договорилась с многочисленными религиозными конфессиями, имеющими влияние на умы граждан, почти так же, как раньше со средствами массовой информации. Главное, не навредите, господа пастыри, и не забывайте про здоровый патриотизм. Тем не менее, несмотря на гарантированную Конституцией свободу вероисповедания, несколько вредоносных сект пришлось закрыть. Новоявленных «Христов», а также потомков инопланетных пришельцев и прочих самопровозглашенных пророков разместили в теплые уютные лечебницы и другие, менее комфортабельные, места. Представители традиционных религиозных течений восприняли ситуацию правильно и приняли растерянных, оставшихся без гуру сектантов под свою опеку. Но усиление каждой отдельной церкви вело к консолидации вокруг нее лишь определенных слоев населения и национальных групп. А где же все-таки Общероссийская Идея?

И тут инициатива, как говорится, пошла снизу. В списке тем, обсуждаемых на различных сайтах и форумах в русскоговорящем Интернете, на съездах патриотических молодежных организаций и сборищах аполитичных тусовщиков, вопрос «ради чего жить в России?» или его интерпретации занимали верхние строчки рейтинга. С течением времени как-то само собой в умах сложилось, что национальная идея России проста, как яйцо: «Всем хочется чувствовать себя гражданином Великой страны, чтобы можно было с гордостью заявить, кто ты и, главное, откуда». В свое время Владимир Маяковский, дедушка русского рэпа, этот момент четко почувствовал, когда пугал буржуев краснокожей паспортной. Власть прикладывала значительные усилия, чтобы Новая Россия вновь получила безвозвратно утраченный, казалось бы, статус сверхдержавы. На протяжении последних двадцати лет жителям страны не приходилось краснеть за своих президентов. Реализация большинства проектов грандиозного по замыслу «Плана-2020» позволила успешно справиться со многими социально-политическими и экономическими проблемами. И это в положительной степени отразилось на демографической ситуации в стране. Чиновничий аппарат подвергался постоянным кадровым чисткам, чему весьма способствовал Федеральный закон «О борьбе с коррупцией», наконец-то принятый Государственной думой. Череда громких процессов всколыхнула страну. Простой народ ликовал.

А тем временем из США, Израиля и Европы потянулись реэмигранты. Знаковым моментом стало возвращение в российскую науку многих ученых, улетевших ранее «на заработки» за океан.

Когда феномен «возвращенцев» приобрел массовый характер и помимо ученых на Родину начали стекаться высококвалифицированные рабочие, Запад заволновался. В конце концов все списали на «загадочную русскую душу» и были, конечно, правы».

Через одну страницу:

«Перечитал написанное и в очередной раз понял, что аналитик я скверный. Полковник Жук за такой опус больше двойки не поставит. Посмотрит этак сверху вниз сквозь свои белогвардейские очки и заявит: „Чушь. Штамповка. Переработать и доложить через тридцать минут“. Кстати, о Шефе. Последнее время он какой-то странный. Напряжен и собран. При этом все чаще ночует в своем кабинете. Таким он становится перед очень серьезным делом. По-моему, никто, кроме меня, этого не замечает...»

Из собственноручно сделанных записей ст. о/у по ОВД второго Отдела УВКР Министерства Федеральной Безопасности России по ДСВО подполковника Некрасова Н. А. (Тетрадь в черном пластиковом переплете с надписью на титульном листе: «Иронический дневник тайного диссидента». Приобщена к материалам разбирательства по факту гибели сотрудника МФБ России, личный номер У-568415.)

Глава 1. Суббота

– Утро субботнего дня. Что может быть лучше в середине марта? Человек просыпается и знает – весна пришла, даже если за окном падает запоздалый снег. Неправда, что новый год начинается в январе. Славяне с этим уж точно поспорить могут. Недаром языческий праздник Масленицу, знаменующий собой наступление Нового года и победу Жизни над смертью, отмечали весной... – Голос эф-джея «Великоамурскрадио» в наушниках-капельках звучал ненавязчиво и вскоре сменился очередной музыкальной композицией.

Ярослав бежал по Уссурийскому бульвару легкой трусцой. Четыре шага – вдох, четыре шага – выдох. Маршрут привычен, и это позволяло не отвлекаться на окружающую действительность, тем более что четырехполосная проезжая дорога, отделенная от пешеходного тротуара невысоким ажурным заборчиком, в шесть часов утра была относительно пуста. Лишь иногда по ней проносились электрокары и редкие «бензиновые» автомобили. Великоамурск – столица Дальневосточного федерального округа – еще досматривал зыбкие утренние сны, и город принадлежал «ранним пташкам» – операторам уборочных машин и поборникам активного образа жизни.

Несмотря на то, что на земле еще громоздились кучи нестаявшего снега, асфальт уже был вызывающе сух. Март в этом году выдался экстремально теплым, того и гляди верба распустится. Погода располагала к тому, чтобы дать телу максимальную нагрузку. Хотелось не просто бежать – лететь!

Пятикилометровый кросс закончился на небольшой полянке в городском парке. Муниципальные власти неоднократно пытались навести порядок в многочисленных скверах, парковых зонах и лесопосадках, разбросанных на территории растущего мегаполиса. Кое-где это даже удавалось. Вырубались старые деревья и кустарники, школьники и студенты на добровольно-принудительной основе высаживали специально завезенные из Западной России саженцы. Поверх протоптанных тропинок мостились вполне симпатичные дорожки. И только центральный городской парк по каким-то причинам не поддавался окультуриванию. На территории более чем в шестьдесят гектаров смогли вольготно ужитья и новомодные виртуальные мегааттракционы, и достаточно жутковатые заросли, представляющие собой яркий образчик буйной и бестолковой дальневосточной флоры. Место, облюбованное Ярославом, пережило без особых изменений последние двенадцать месяцев. Именно тогда он его впервые нашел во время одной из своих прогулок. К полянке вела всего одна тропинка, на ней и обрывавшаяся.

Далее начинался овраг, густо заросший колючим кустарником и разновысокими тополями. Идеальное место для человека, желающего, чтобы ему не мешали.

Привычно оглядев небольшую, метров семи в окружности, полянку и убедившись в отсутствии разбитых бутылок и прочего мусора, Ярослав достал из тайничка под ближайшим кустом две метровые пластиковые палки, наполненные песком и имевшие немалый вес. Он неплохо разогрелся во время бега, поэтому сразу приступил к упражнениям. Защитная позиция, ноги, слегка согнутые в коленях, на ширине плеч. Поехали! Тяжелые палки, раскручивая сложный узор спиралей и восьмерок, с гудением рассекали воздух. «Теперь включаем противовесы», – мысленно управлял процессом Ярослав, добавляя перемещения и уклоны-атаки по схеме кругового боя. Руки слушались отменно, корпус скручивался с достаточной амплитудой, позволяя весу тела вовремя перераспределяться с ноги на ногу. Последние три минуты он работал на максимальной скорости, с удовлетворением отмечая, что наконец-то овладел техникой инертного дыхания. И все равно Ярослав никак не мог поймать то ощущение легкости, так часто упоминаемое Димой Большим – наставником и бессменным президентом «Святогора». Последствия не заставили себя ждать – во время самого сложного финта одна из палок совсем

равнодушием неодушевленного предмета приложила его по правой голени. «Хана!» – подумал Ярослав и добавил вслух несколько крепких матерков. К вечеру на лодыжке прочно обоснуется черный кровоподтек, один из многих, полученных в ходе тренировок. «На сегодня хватит, – решил Ярослав, – надо бы снаряды полегче сделать, рано еще к двухкилограммовым переходить, да и больно это».

Замаскировав палки в импровизированном тайнике, он вновь вернулся на центр полянки и приступил к серии дыхательных упражнений, насыщая кислородом уставшее тело. Вдох – пятисекундная задержка – медленный выдох сквозь сжатые губы.

Внезапно по коже пробежали мурашки, как будто чей-то холодный колючий взгляд уперся ему в затылок. Ощущение чужого присутствия за спиной казалось настолько реальным и пугающе-неприятным, что, резко обернувшись назад, Ярослав был готов увидеть все что угодно. Странно, но поблизости никого не оказалось. Лишь в дальнем конце тропинки виднелась спина уходящего человека. Обладавший острым зрением Ярослав смог даже увидеть, что одет незнакомец во что-то неопределенно-мешковатое, а длинные волосы его собраны в хвост, спадающий почти до лопаток. Секунда, и человек исчез из вида, скрывшись в переплетении парковых дорожек.

Ярослав еще раз оглядел поляну, но больше ничего подозрительного не заметил.

– Опять купил вчера не те витамины, – пошутил он вслух и попытался вернуться к дыхательной гимнастике. Но неприятное ощущение чужого взгляда никуда не исчезло, просто стало слабее.

«Если что-то идет не так, то нужно это вовремя закончить», – решил Ярослав, посмотрел на наручные часы («Ого! Уже двадцать минут седьмого!») и направился к центральному выходу из парка.

Закончилась тренировка традиционно – неторопливая пробежка домой и десятиминутный контрастный душ. Уже выходя из ванной комнаты, Ярослав услышал, как сработал будильник. Семь часов утра. Пора будить любимую жену, потом завтрак – и на работу.

Монументальный «сталинский» дом, находящийся почти в центре города, Управление занимало еще с имперских времен. Перманентный ремонт, плавно переходящий с первого на пятый этаж и обратно, продолжался уже в течение трех лет, и сотрудники привыкли к нему настолько, что научились не замечать снующих туда-сюда гастарбайтеров с азиатским разрезом глаз. Последний фактор настораживал, заставляя вспоминать нерушимые требования конспирации и собственной безопасности, но ребята из отдела ВБ заверили, что все под контролем, и проблема перестала волновать широкие массы.

Ярослав подошел к дверям Управления ровно за пятнадцать минут до начала рабочего времени. «Предъявил лицо» невидимым окулярам видеокамер, поднес руку к дактилоскопическому сканеру-идентификатору, миновал рамку детектора «запрещенных веществ» и, на ходу раскрывая удостоверение, поздоровался с дежурным – атавистическим наследием минувшего столетия. Начальник Управления, при всем уважении к техническим средствам контроля доступа, считал наличие человека у «вертушки» не постом данью традициям, а реальным заслоном на пути злоумышленников. Сегодня на «вахте» стоял какой-то новый прапорщик, поэтому он особо бдительно всматривался в предъявленный документ и сличал его с личностью вошедшего. Немудрено. Ярослав при росте в сто восемьдесят пять сантиметров был весьма широк в плечах и брил голову «под ноль». Джинсовая куртка на меху, черные кожаные брюки и сапожки-«казаки» также не вязались с образом офицера контрразведки. Наконец прапорщик поднял глаза и, буркнув: «Проходите!», приготовился встречать подходящих следом людей.

«Ничего, привыкнет!» – подумал Ярослав и быстрым шагом поднялся на предпоследний этаж здания, занимаемый вторым Отделом. Машинально проверил слепок печати на двери своего кабинета. Цела, что неудивительно. Споро переоделся в строгий костюм, повязал галстук. На часах восемь пятьдесят пять. Успел! Коротко звякнул сигнал, хлопнула входная дверь – значит, пришел Шеф. Выйти в коридор, как и остальные сослуживцы, поздороваться. А как же, ритуал!

Руководитель второго Отдела Управления военной контрразведки по Дальневосточно-Сибирскому военному округу полковник Жук абсолютно не соответствовал своей фамилии. Усов не носил, тонкий в кости, поджарый, он больше напоминал классического интеллигента начала XX века. Сходство усиливали очки в тонкой позолоченной оправе. Но подчиненные, и Ярослав в том числе, знали, что при необходимости Шеф может с легкостью предстать во второй своей ипостаси – матерого волкодава-энкавэдэшника – и драть про штрафившегося нерадивого подопечного «с брызгами» до полного осознания последним своей никчемности. И при этом не терять аристократического лоска и даже не повышать голоса.

По заведенной системе сотрудники выждали несколько минут и потянулись кто куда. Структурные отделения и группы второго Отдела собирались на летучки. Короткий отчет о работе за прошедший день, напутствие начальника – и вперед, ребята, «действовать-злодействовать»!

По случаю субботнего дня Управление работало до тринадцати ноль-ноль. Порядок, укоренившийся еще со времен легендарного начальника ГУКР НКО «СМЕРШ» Абакумова, действовал и по настоящее время. Войска работают, значит, и особистам, как по старинке называли сотрудников военной контрразведки, есть чем заняться. Зато воскресенье, если Шефу ничего в голову не придет, законный выходной. Можно сходить с утра с женой по магазинам, купить ей какую-нибудь очередную шмотку, удовлетворить, в общем, высказанную месяц тому назад просьбу. Можно тупо проваляться в постели до обеда, перещелкивая каналы интерактивного телевидения, а вечером созвониться с друзьями и рвануть вместе с женами и детишками постарше в боулинг-центр катать шары. Да мало ли чем еще можно занять воскресный день.

Ярослав на летучки не ходил. Все, что необходимо сделать на этой рабочей неделе, он согласовал еще в понедельник лично с Шефом. И если кто-нибудь думает, что отсутствие промежуточных звеньев в управленческой цепи между оперативником и его начальником – вершителем судеб более чем сорока офицеров военной контрразведки, – это благо, то глубоко заблуждается.

В нелегкое ярмо новых функциональных обязанностей он впрягся немногим более года тому назад, когда улыбчивый кадровик предложил ему перевод на вышестоящую должность из отдела военной контрразведки по 37-й Краснознаменной общевойсковой армии. Ярослав согласился без раздумий. Перевод под начало заслуженного чекиста, именуемого подчиненными за глаза традиционно – Шеф, а остальными прочими – Князь Игорь, сулило дальнейший карьерный рост. Из-под крыла Игоря Николаевича Жука вышло немало будущих начальников всех мастей, многие прочно угнездились в стольном Санкт-Петербурге на генеральских должностях. При всем том сам Шеф, несмотря на многочисленные регалии и заслуги, наотрез отказывался от перемещений вверх по карьерной лестнице – врос корнями в дальневосточную землю.

Как потом узнал Ярослав, кадровик, проделавший немалый путь из столицы ДФО для собеседования с младшим офицером, действовал по прямому поручению Шефа. Перед тем как вызвать его в любезно предоставленный начальником отдела кабинет, он имел долгие индивидуальные беседы с сослуживцами, затем о чем-то докладывал по оперсвязи.

Наконец в кабинет вызвали и Ярослава.

– Разрешите войти, господин подполковник? Капитан Рязанцев по вашему приказанию прибыл! – по-уставному доложил он, замирая по стойке «смирно» у входной двери. Ввиду приезда высокого гостя из «аппарата» весь отдел с утра щеголял в иссиня-черной повседневной форме, вызывая недоумение у офицеров Штаба армии, привыкших видеть «особистов» в штатском.

Сотрудник отдела кадров не стал особо церемониться, подошел, протянул руку (как отметил Ярослав, из-под рукава безукоризненно белой сорочки на запястье выскользнули золотые швейцарские часы. Ого!), представился:

– Подполковник Чеботарев Иван Леонидович... Прошу вас, Ярослав Владимирович. – Он сделал короткий приглашающий жест и сухо улыбнулся.

Пройдя к длинному новомодно-стеклянному столу для совещаний, офицеры присели на массивные стулья. Чеботарев разместился напротив, не стал занимать кресло начальника отдела, значит, беседа предстояла «доверительная» – излюбленный стиль общения сотрудников органов госбезопасности всех времен и народов.

– Итак, – начал кадровик, – думаю, вы догадываетесь, о чем будет наш разговор?

– Да, – не стал скрывать Ярослав. – Начальник отдела уже провел со мной беседу о возможном перемещении на новую должность. Правда, не сказал на какую.

Чеботарев дружелюбно усмехнулся, положил ухоженные руки на стол и сообщил:

– Должность, на которой вы сможете проявить себя с наилучшей стороны. Так считает руководство. Как принято говорить у нас, «в аппарат». – Кадровик замолчал, считывая реакцию на прозвучавшие слова. Но Ярослав не показал своих эмоций, остался внимателен и спокоен, и Чеботареву пришлось закончить: – Вам предлагается перейти во второй Отдел Управления под руководство полковника Жука.

– Спасибо за оказанное доверие, – поблагодарил Ярослав. – Я согласен.

Сказал и почувствовал, что в голове его зашумело, как после бокала французского шампанского на голодный желудок. Он даже закрыл на секунду глаза, чтобы разобраться в ощущениях. На секунду померещилось, что он находится очень далеко отсюда. Перед его внутренним взором возникла странная картинка. Ярослав увидел, как мужская рука с длинными холеными пальцами медленно развязывает черный кожаный мешочек и один за другим роняет из него несколько блеклых камешков неправильной овальной формы. Соприкасаясь друг с другом, они издавали едва слышный звон, напоминающий звучание чистейшего хрусталя. «Ты сам принял решение», – возникла в его голове посторонняя мысль, и одновременно с этим последний из семи камешков упал в ладонь неизвестного человека. Пальцы его неспешно сжалась, и видение померкло. Ярослав открыл глаза и встретился взглядом с обеспокоенным кадровиком.

– С вами все в порядке? – напряженно спросил Чеботарев. – Вы как-то резко побледнели.

– Виноват, господин подполковник. Просто не каждый день приходится принимать такие судьбоносные решения, – ответил Ярослав и понял, что несет полную чушь. Но, вероятно, его слова вполне вписывались в систему представлений о мире, принятую в кадровом подразделении. В любом случае Чеботарев продолжил, как ни в чем не бывало:

– Вы можете поговорить с женой, обсудить все плюсы и минусы. Женщины воспринимают переезд крайне болезненно. Я знаю – мы с женой восемь мест службы поменяли...

Ярослав позволил себе корректно улыбнуться, что было к месту в предложенной канве разговора, и, прямо взглянув в глаза кадровику, ответил:

– Мне нет необходимости советоваться с женой по таким вопросам. Я думаю, супруга в любом случае поддержит мое решение.

– Да-да, она же тоже из военной династии, – проявил осведомленность Чеботарев. – Ну что же, телеграмма по вашему переводу за подписью начальника Управления придет сюда через сутки, затем десять дней на передачу дел и должности, три дня на отправку контейнера и освобождение служебного жилья, и приблизительно через пятнадцать суток – добро пожа-

ловать в Управление. Там и встретимся. Вопросы? – Кадровик поднялся, показывая, что разговор окончен.

– Господин подполковник, вы так и не сказали, какой участок работы меня ожидает.

– Об этом вы спросите лично полковника Жука, – улыбнулся Чеботарев и добавил после небольшой паузы: – Ваш предшественник на этом месте два года продержался, сейчас чемоданы собирает и готовится возглавлять какой-то заштатный отдел в заштатном городке. Сошел с дистанции – темпа не выдержал. Так что будьте готовы к тяжелой работе, коллега...

...После предшественника в кабинете, обустроенном Ярославом в стиле спартанского минимализма, остались только мощный компьютер и сейф, наверняка, помнивший еще времена Дальневосточной республики. В нем хранились материалы литерных и номенклатурных дел, спецблокноты и рабочие тетради, а также штатный ПММ-2 – пистолет Макарова второй модификации. Многие сотрудники, особенно молодые опера, всюю пользовались правом свободного ношения оружия и не расставались с этой облегченной версией легендарного «макарыча», но Рязанцев предпочитал брать пистолет только в командировки. А они и так случались слишком часто.

Открывая массивные дверцы сейфа новеньким никелированным ключом с множеством бороздок, Ярослав всякий раз встречался глазами со строгим взором плакатной комсомолки в красном платке: «Не болтай!» – староимперская символика никогда не выходила из моды в определенных кругах. Тоже наследство, доставшееся от предшественника. Год тому назад Ярослав посчитал забавным оставить комсомолку внутри бронированного монстра – они хорошо подходили друг к другу, символы ушедшей эпохи.

Помимо сейфа в кабинете имели место квадратный двухтумбовый стол с теряющимся на его просторах тонким монитором компьютера и вращающееся офисное полукресло. Всю левую стену от окна до двери занимал шкаф-купе, выполнявший множество функций, в том числе и по сокрытию от посторонних глаз компактного холодильника. За исключением пары рамок с благодарностями от руководства, висящих на стенах, украшений и дизайнерских изысков в кабинете не водилось. Несколько раз Ярослав предпринимал попытки завести цветы, но даже самые суровые кактусы почему-то не приживались: не иначе аура здания сказывалась, да и частые командировки Рязанцева тоже.

Сегодня предстояло рассмотреть очередное дело оперативного учета с окраской «террористический акт». Судя по увесистому «кирпичу» пронумерованных и собранных под одной обложкой листов, работа могла затянуться более чем до тринадцати часов. В общих чертах суть материалов Ярослав знал – успел ознакомиться накоротке.

В одной мотострелковой дивизии, дислоцированной в несусветной дали от ближайшего областного центра, имелся не совсем благополучный полк. И в этом, как выяснилось, винить было некого. Командир полка, человек старой закалки, получивший военное образование еще в древне-лохматые времена, внушал трепет подчиненным и безжалостно карал за нарушения Устава. Он носил знаковую фамилию Булава и не менее суровое имя-отчество Михаил Потопович, но среди подчиненных был более известен как БМП – Большой Медный Полковник. Многие всерьез считали его киборгом или результатом какого-то секретного генного эксперимента. Он никогда ничем не болел, не курил и терпеть не мог пьяниц. Именно поэтому со всей дивизии к нему «на перевоспитание» направляли отпетых негодяев и дегенератов.

Очередной виток бесконечной армейской реформы почти подошел к концу. Теперь РА жила под ленинским девизом: «Лучше меньше, да лучше». Новый гражданский министр обороны, в прошлом видный экономист, решил-таки доконать «зеленых человечков» и завершил полный перевод армии на контрактную основу. Пехоту, царицу полей, реформа настигла в последнюю очередь. А кто пойдет служить контрактником в отдаленный «медвежий угол»? Кто по своей воле оставит пять лет жизни в Сквородинском районе Амурской области, где зимой мороз минус сорок считается нормой? Правильно – «гастарбайтеры». Так называли

легионеров из стран СНГ, которым некуда деваться, а российское гражданство заработать хочется. Многие из них служили неплохо, но попадались и откровенные моральные уроды. Однако даже они у Булавы становились шелковыми. По слухам, Большой Медный Полковник однажды голыми руками задушил матерого кабана-секача, а его командирский голос мог перекрыть рев танкового двигателя. Слухи ввали, конечно, но «гастарбайтеры» в эти легенды верили свято и боялись «начальника» до судорог.

Полк постепенно превращался из боевой еденицы в некий гибрид штрафбата и филиала отстойника миграционной службы. А новобранцы – любители насвая и веселящей травы – все прибывали и прибывали в отдаленную дивизию.

Глядя, как на обширном плацу галдящие новобранцы в хрустящей необмятой форме братаются со старослужащими земляками, БМП сплевывал на подстриженный газон и роко-чущим басом изрекал свое знаменитое:

– Опять картина Саврасова! Помяните мое слово, господа, не пройдет и месяца, как нам скинут очередной балласт.

Неудивительно, что вскоре число негативных элементов в полку превысило критическую массу. Командир не сдавался, затягивал гайки, лично по ночам обходил подразделения – боролся с неуставными взаимоотношениями, перевел офицеров на казарменное положение. Ситуация вроде бы нормализовалась. Задушенные репрессиями дегенераты притихли, как оказалось – ненадолго. Даже киборгам в Российской армии положен ежегодный двухмесячный отдых. Беда случилась буквально через неделю после того, как Большой Медный Полковник ушел в очередной отпуск. Молодого лейтенанта, сделавшего замечание группе «гастарбайтеров», для каких-то своих целей обосновавшихся ночью в бытовой комнате, забили ногами насмерть: помешал бойцам выпить с трудом раздобытый самогон. С утра душегубов, даже не дав опохмелиться, повязали и посадили на гарнизонную гауптвахту. Дознаватели воинской части и следователи из военной прокуратуры шерстили личный состав, собирая свидетельские показания в рамках спешно возбужденного уголовного дела. «Гастарбайтеров», пока суть да дело, пристроили в СИЗО ближайшего райцентра. Все понимали, что для них ожидание заслуженного и самого гуманного в мире суда долго не продлится. Вот тут-то и начались сюрпризы. Как ни странно, все участники преступления относились к мусульманской диаспоре, доставляющей наибольший черепной зуд отцам-командирам еще со стародавних времен. Недреманное око «особого отдела» вовремя заметило в неблагополучном полку странную активность среди военнослужащих, призванных из многочисленных «...станов» – осколков исчезнувшей Империи. Результат – дело оперативного учета «Архары». Почему «Архары»? Потому что бараны. Горные.

Ярослав включил комп, поставил негромкую, располагающую к мозговой деятельности музыку и углубился в изучение плана оперативно-розыскных мероприятий, запросов и аналитических справок. Особенно тщательно разбирал копии сообщений от конфиденциальных сотрудников – «конфиденциалов», упорно именуемых бывальыми оперативниками по-старинке – агентами. Бегло просмотрел фотографии фигурантов, хмыкнул: «И правда – архары!» Через полчаса суть дела оказалась в целом ясна. Наиболее радикальные сторонники будущих обитателей зоны строгого режима сплотились вокруг военнослужащего – контрактника по кличке Казбек. Данный боец, в отличие от «гастарбайтеров», был уроженцем Российской Федерации. И при этом уже некоторое время находился в поле зрения военных контрразведчиков. Не потому, что призвался в РА по контракту из солнечного Дагестана. И не из-за того, что высказывания недобрые в адрес политического строя Отечества себе позволял. А из-за любви к чтению: ваххабитскую литературу в Интернете изучал на арабском языке. На арабском! Чтобы понять, что же он там читает, пришлось особистам запрос в столицу слать. Ну и другие мелочи за ним водились, конечно. Как принято у настоящих джигитов, он отказывался выполнять отдельные приказы командиров и начальников, ссылаясь на религиозные запреты. Что,

впрочем, не мешало ему лопать свинину за обе щеки в солдатской столовой. Командиры Казбека терпели, потому что он считался лучшим специалистом по ремонту автотехники и давал неплохие показатели по боевой подготовке, чем и пользовался. Особисты до поры тоже не трогали гордого кавказца, но «под колпак» его взяли плотно. И не зря. На очередной встрече агент, входящий в ближайший круг доверия Казбека, сумел удивить выдавшего виды оперработника.

Ярослав еще раз перечитал копию второго сообщения, написанного по результатам ранее отработанного оперативником задания. Неровный почерк и множество ошибок указывали на то, что агент является земляком Казбека. Безграмотный, зато преданный. Молодец! Итак, «...сообщаю, что рядовые (восемь фамилий, включая фамилию самого писавшего) в такое-то время такого-то числа снова собрались в комнате у Казбека. Выпили водки. Казбек спросил: ну что, принесли? Начали доставать кто что смог. Всего отдали ему три эфки (гранаты Ф-1 – вписано позже поверх строчки), две пачки патронов для калаша, один или два взрывпакета, их Аслан принес. Сказал, больше ничего нет. Тогда Казбек показал им, что у него есть пистолет Макарова. Его всей частью в прошлом году искали – не нашли. Решили, что в следующий раз соберутся и он им расскажет, когда будут освобождать Салмана и других...» Дата, псевдоним.

В справке к сообщению оперработник на трех листах изложил фактуру, дополнительно добытую от конфиденциального сотрудника в ходе уточнения полученной информации. Оказалось – говорить агенту объективно легче, чем писать. Казбек сотоварищи разработали простой по исполнению и гениальный по сути, с их точки зрения, план. В ходе подготовки полка к предстоящим учениям, запланированным через неполный месяц, им предстояло угнать БТР-80М, оснащенный КПВТ с полным боекомплектом, и на нем прорваться к штабу соединения. Затем захватить руководство дивизии, по их мнению, спокойно этого ожидающееся в рабочих кабинетах, и выдвинуть требования: освободить друзей, дать самолет и мешок золота, иначе всем кирдык. В процессе обсуждения плана горячие горцы поняли его несостоятельность. Штаб ведь тоже охраняется, а из бронетранспортера вылезать придется. Прямо под пули контрактников из комендантской роты – всех, как назло, славян. Незадача... В конечном итоге злоумышленники пришли к мнению, что необходимо, не мудрствуя, явиться ночью к командиру дивизии, проживающему в «доме офицерского состава» на территории военного городка в обычной служебной квартире, и взять его в заложники вместе с членами семьи. А там уже и друзей отпустят, и самолет с золотом дадут.

«А ведь могло получиться! – подумал Ярослав, прикинув их шансы на успех. – Если, конечно, караул у ДОСа на ночь не выставляется. Кстати, не факт, что это априори явится гарантией безопасности комдива. Тут пятьдесят на пятьдесят. Слишком много «если». Если часовой толковый на их пути попадется, если горцы слишком тупы, если... да мало ли чего...

Да, вполне могло получиться».

О том, что далеко улететь им не удастся, «гастарбайтеры», конечно, не думали. Скорее всего, дело даже не дойдет до предоставления самолета. Опыт многочисленных операций, проводимых Национальным антитеррористическим комитетом, показывал, что с лицами, взявшими в руки оружие для оказания давления на власть, особо не церемонились. А если уж речь идет о захвате заложников, то шансы выживания уродов измеряются не процентами, а часами. Бойцы столичной «Альфы» или любого регионального отдела особого назначения – люди с начисто купированным чувством сентиментальности и в силовой фазе контртеррористических операций действуют расчетливо и жестоко. В лучшем случае сохраняют одного недобитка, чтобы было с кого показания снимать, остальных – в расход. Как они умудряются в ходе неотвратимо-молниеносных, словно направленный взрыв, штурмов различать террористов и их жертв, ведают только сами «альферы».

Но задача особистов и заключается в том, чтобы до привлечения таких специалистов к исправлению их ошибок дело не доходило. Трудно представить, какой резонанс мог возникнуть при успехе замысла Казбека и его кунаков.

«Да уж, – хмыкнул про себя Ярослав, – подобного прецедента не было, пожалуй, со времен последнего конфликта на Кавказе. Давненько! Злодеев, конечно, поубивают, но будет поздно. Эфир взорвется от сенсации. Сразу и про Нальчик вспомнят, и про Беслан. Особенно зарубежные „партнеры“ из НАТО возрадуются... Не в этот раз. Молодцы, коллеги, вовремя сработали! Плохо, что Казбек за собой всех остальных дурачков за решетку потащит. Нашему военному суду безразличны ссылки на кавказский менталитет и мусульманскую солидарность».

В новой редакции статьи 205 Уголовного кодекса за теракт могли осудить не только лицо, совершившее либо угрожающее его осуществлением, но и целенаправленно подготавливающее реализацию данных действий. Общество всегда с пониманием относилось к поправкам в законы, призванным оградить их от «международного терроризма». Собранные в рамках дела материалы однозначно указывали, что злодеи имеют устойчивые намерения совершить террористический акт, подписывая тем самым себе приговор.

На этом этапе дело оперативного учета «Архары» было направлено во второй Отдел Управления для рассмотрения. Резолюция полковника Жука на подколотом к сопроводительному письму листке гласила: «Г-н Рязанцев Я. В.! Пр. изучить материалы дела. До (такого-то) подготовить справку с выводами и рекомендациями по направлениям дальнейшей работы. Проект документа обсудим». Коротко и ясно. Материалы поступили в пятницу, справку готовить к понедельнику, срок на исполнение достаточный. «Пр.» – то ли «прошу», то ли «приказываю» – догадывайся сам. То, что проект документа предстояло обсудить, – тоже понятно, значит, учеба продолжается. Одновременно это показывало, что подпись на итоговой справке будет ставить Шеф, рано еще майору направлять рекомендации для целого начальника отдела ВКР по дивизии.

Материалы по «Архарам» находились в Управлении, но это не мешало операм, почувшавшим впереди реальный результат, в плановом порядке проводить разработку группы Казбека. Несколько десятков глаз неотрывно следили за действиями «плохишей». В проблемный полк из другой воинской части дивизии перевели особо умелого агента из числа «земляков», и он взял под плотную опеку самого Казбека. Конфиденциального сотрудника, предоставившего первичную информацию, напротив, пришлось убирать в другое подразделение – оперативник заметил, что парень «перегорает» от постоянного нервного напряжения.

Ярослав открыл на компе страничку вордовского документа. Привычно ввел реквизиты аналитической справки. Начали! Краткая преамбула, раскрывающая суть материалов и целесообразность заведения дела оперучета; оценка полноты и грамотности плана мероприятий по делу; анализ состояния негласного контроля над ситуацией с момента получения первички и по настоящее время; предпринятые меры по сбору достаточных доказательств злодейского умысла Казбека и подельников. И первоочередное – контролируют ли контрразведчики в далекой дивизии ситуацию в полной мере, смогут ли вовремя ее локализовать в случае непредвиденного поворота событий? Пока что картина вырисовывалась радужная. Прочтя эту часть справки, любой оперативник признает, что отдел поработал на славу. Начальнику – грамоту, операм – благодарности, особо отличившимся агентам – крепкое рукопожатие и энная сумма в конвертируемых рублях. Но Ярослав был направлением и поэтому, вздохнув, набрал с красной строки фразу: «Вместе с тем». Крутнулся на стуле, добыл из холодильника бутылку нарзана, не торопясь сделал несколько глотков. Еще будучи младшим офицером, он понял магию словосочетания «вместе с тем». Если из «аппарата» приходила справка, подписанная начальником второго Отдела, и на ее первом листе размашистым почерком руководителя Управления начертано: «С выводами и рекомендациями согласен. Обеспечить... (далее по ситуации)» – последствия могли быть самыми непредсказуемыми. Обычно грамотные руководители начинали читать такой документ именно со второй его части. Поэтому к заключениям и предложениям следовало подходить со всей ответственностью, несмотря на то, что править их будет сам

Шеф. Итак, «Вместе с тем». Что забыл толковый в принципе старший опер, в производстве которого находилось дело? Что не подсказал ему прямой начальник? Молодого оперативника, работающего по материалам «на подхвате» – подай, принеси, пошел вон, не мешай, – трогать не будем. Во-первых, не виноват он ни в чем, во-вторых, в контрразведке молодых вообще ругать не принято, пока опыта не наберутся, зачем лейтенанту охоту к оперативной работе отбивать с первых шагов службы. Уже составляя первую часть справки, Ярослав прикидывал, сколько ложек дегтя придется уронить в бочку меда. Оказалось, хватит на небольшой полковник, осталось только сформулировать выводы сухим оперативным языком.

На то, чтобы закончить работу, Ярославу потребовалось еще два часа. Потом небольшой перерыв (Что там за окном? Ага, весна идет, весне дорогу! Девчонки поголовно на юбки перешли. Благодать!) и прочтение справки от начала до конца: выверка речевых оборотов, стиля документа и, самое главное – второй его части. На сегодня все. Четырнадцать часов пятнадцать минут. Дело – в сейф (не скучай, комсомолка!), стол привести в порядок, жалюзи на окне опустить... Все.

Когда Ярослав вышел из кабинета, в коридоре помимо него оказался Николай Некрасов, имевший немудреное прозвище Классик. Несмотря на примечательную фамилию и статус «бывалого направленца», характер он имел легкий и смог дослужиться до подполковника, так и не приобретя открытых недругов. Коллеги поздоровались.

– Корпишь над очередным портяночно-злодейским ДООУ? – на правах старшего поинтересовался Классик. – Слышал я о последнем твоём успехе... Это же надо – подтянулся на турнике сорок раз!

– Да уж куда нам до вас, Николай Алексеевич! – с глубоким уважением произнес Ярослав. – А как поживают ваши парагвайские шпионы, все пытаются вызнать секреты Гадюкинского военного гарнизона?

– Кто тебя послал такие вопросы задавать? Ладно, расслабься. Парагвайские уже схвачены и отфигачены, – не растерялся «бывалый направленец». – Сейчас к нашим военным секретам Гондурас свои грязные ручонки тянет. Ох и профессионалы они там, в гондурасской военной разведке! Но мы им покажем, что «лучше калымить в Гондурасе, чем гондурасить на Колыме!». Ты домой?.. Ну ладно, бывай, я еще в четверку загляну.

Некрасов являлся признанным знатоком всевозможных афоризмов. При необходимости легко добавлял в речь латинские, французские и прочие импортные высказывания великих людей, но душа его все же лежала к русским авторам – Козьме Пруткову, Николаю Фоменко и никому не известному, кроме самого Классика, шутнику по имени Саввушка Спиртоносов. Коллеги пытались колоть Некрасова, заставляя сознаться, что под личиной этого последнего господина он скрывает свое альтер эго. Но даже в процессе дружеских попок добиться признания не получалось.

При выходе из Управления Ярослав включил мобильный коммуникатор. Пользоваться таким видом связи в здании категорически запрещалось. Отдельные господа, а чаще – дамы, не понимали сути запрета и плевать хотели на «нелицензированные возможности импортных технических средств». Тех, кто не понимал и плевал, периодически подвергали публичной порке строгие парни из отдела внутренней безопасности. Не помогали даже сим-чипы, оформленные на подставных лиц. Поступал звонок, сотрудник отвечал, и вежливый голос в динамике предлагал немедленно отключить коммуникатор и проследовать в цокольный этаж для написания рапорта. Существовали и другие способы вычислить нарушителей, поэтому со временем даже самые отпетые приверженцы мобильных перед входом в Управление отключали их и отсоединяли аккумуляторы.

Ярослав проверил входящие. Два сообщения, один непринятый звонок.

– Анюта, ты звонила? ...Да, в полвторого я еще был на работе... Уже иду домой... К маме?.. Ну, раз обещали, то к маме. Собирайся, встречаемся на остановке.

Так, сообщения от Илюхи. Как всегда. Не любит звонить, что поделаешь. В этом имелась своя логика – если позвонишь, то можешь помешать сделать что-нибудь великое, а на видео-сообщение абонент ответит, когда в самом деле будет свободен.

Просмотр. На экране возникло жизнерадостное лицо Ильи: «Привет, брат! Достало все. Когда пиво выпьем?» И второе, напрочь перечеркивающее первое: «Ты сегодня на тренировку идешь?»

Понятно. Или-или. Если не на тренировку, то – пиво. Если не пиво – то на тренировку. Выбираем третье. Ярослав, направив на себя глазок камеры коммуникатора, на ходу надиктовал видеосообщение: «Хай, брат! Сегодня я у тещи. Если освободимся рано, заглянем с Нютой в Ассоциацию – просто поболтать». Во избежание утяжеления сообщения проверил, чтобы к нему не прикрепилось ничего лишнего из карты памяти, и легким нажатием на сенсорную клавишу отправил послание. «Доставлено. Черновик стерт», – почти сразу прозвучал роботизированный женский голос.

Когда выпадала такая возможность, Ярослав предпочитал ходить пешком. Водителем в семье была жена, не упускавшая возможность подколоть его по поводу немужского, по ее мнению, отношения к личному транспорту. На что Ярослав резонно замечал, что от работы до дома два шага, при необходимости в любой конец Великоамурска он доберется на такси (и потом сможет выпить рюмку-другую, что немаловажно!), а для поездок по служебным вопросам есть специально выделенный «Нива-Шевроле V-2.0» с толковым прапорщиком-водителем. Анна вздергивала симпатичный носик и в очередной раз бросала попытки усадить мужа за руль. Напоминать ей, что на нереально дорогое горючее тратится немалая часть семейного бюджета, не имело смысла. Вождение полуспортивного «бензинового» автомобиля являлось для нее вопросом престижа и любимым хобби.

Подходя к остановке общественного транспорта, Ярослав издали заметил броский темно-бордовый «Мицубиси-форсаж». Анна стояла рядом с водительской дверцей и в нетерпении поглядывала на наручные часы. «Иду я уже, иду!» – подумал Ярослав и помахал рукой. Подходя ближе, отметил, какие взгляды бросают на жену ожидающие автобусы самцы, и возгордился. В Средние века Анну сожгли бы на костре. Рыжеволосая и зеленоглазая, с узкими бедрами и высокой грудью, она производила впечатление пожирательницы мужчин, что являлось правдой лишь отчасти. Ярослав знал, какая она на самом деле: иногда взбалмошная и упрямая, но в целом мягкая и пушистая, Анна являлась идеальной женой контрразведчика, способной во всем поддерживать мужа. И к тому же сама носила погоны – преподавала в военном вузе. Кто кого потащил к алтарю, они не поняли даже через три года совместной жизни. Свадьба состоялась спустя два месяца после знакомства.

– Привет, дорогая! – подошедший Ярослав привычно поцеловал подставленную щеку.

– Да уж, не дешевая! – ответила Анна и заторопилась. – Давай, садись, надо еще цветы и торт купить.

Тортик – неперменный атрибут субботних вылазок к родителям жены – добыли такой, как любила Анна – «песочный», с черничной начинкой. Букет цветов, по случаю марта – тюльпанов, был призван загладить недавнюю вину. В среду, третий день «широкой Масленицы», Ярослав не смог ответить на приглашение родителей Анюты и прийти к «теще на блины». Шеф засиделся в кабинете допоздна, а сотрудники второго Отдела, по заведенной традиции, не могли покинуть рабочие места раньше начальника. Пришлось переносить среду на субботу. Ярослав предчувствовал, что сегодня придется поесть блины до полного изнеможения.

Смутное беспокойство вызывала только мысль о том, что вроде бы на следующий день зять должен потчевать блинами маму жены. Вот ведь незадача. Тещу Ярослав любил, а вот блины печь не умел, поэтому надеялся, что Галина Витальевна не знает всех тонкостей замысловатых русских обычаев.

Двери открыл тесть. Отставной полковник, ныне пенсионер, в качестве хобби избравший себе стезю частного бизнесмена, Сергей Кириллович Карелин человеком был добродушным и предприимчивым. Последнее качество проявилось и теперь. Пока женщины накрывали на стол, хозяин дома и Ярослав успели не торопясь употребить в кабинете по бокалу коньяка. Ярослав в процессе дегустации попытался угадать наименование напитка, а хозяин терпеливо ждал его ответа.

– Точно не грузинский, да и не армянский, – поделился наконец соображениями гость. – Я бы предположил, что это не бренди, а именно настоящий французский патентованный коньяк. (Очередной глоток из бокала.) Послевкусие напоминает фирменный букет «Самус» - VSOP: теплые ореховые тона, но боюсь, вы меня снова подловили и содержимое бокала окажется каким-нибудь удачным южноамериканским новоделом.

– Я всегда говорил, что служба в глухих районах вредна для молодого организма! – заявил тесть. – Испортил ты себе, Ярослав, вкусовые рецепторы некачественной водкой! Какой же это «Камю»! Это же украинский «Алехх»! Ты его уже пробовал раньше. Мне тогда друг из Днепрпетровска целый ящик передал. Правда, вот этот бренди все-таки пятнадцатилетний и куплен в нашем магазине, с акцизами и всеми прочими делами.

– Сдается мне, Сергей Кириллович, что именно тот самый ящик и повредил мои, так сказать, рецепторы. Ящик! Это не хухры-мухры!

Мужчины понимающе улынулись. Пресловутый коньяк волшебным образом исчез в течение новогодних торжеств, отмечаемых с размахом. В этом россияне, пожалуй, переплюнули даже жителей Поднебесной с их недельным «Праздником красных фонарей».

– Повторим?

– Без возражений!

Но тут, пресекая безобразия, из гостиной послышался зов, и они пошли на запах блинов.

Домой они ехали уже затемно. Ярослав, развалившись на заднем сиденье, лениво подсчитывал, сколько ему нужно километров пробежать, чтобы уничтожить последствия похода «к теще на блины». Оказалось, что километров семьдесят как минимум. По пересеченной местности. В общем, лучше не заморачивать голову такими глупостями. А блины оказались на диво хороши! С семгой, с лососевой икоркой, с соленой брынзой. Под тягучую холодную водочку из хрустальных рюмок!

Несмотря на то, что в перерывах между подходами к столу семья успела попеть «караоке», провести конкурс по метанию магнитного дартса и позвонить в Западную Россию родителям Ярослава, сладкие десертные блины он уже осилить не смог, несмотря на уговоры. Принесенный торт родители перед уходом отдали Анне с наказом сбереечь до завтра. «Оппа! – подумал Ярослав. – Проблема с выпеканием блинов снята сама собой».

– Малышка, давай в спортзал заедем, – попросил Ярослав. – Я Илье обещал!

– Тебе сейчас спортзал в самый раз, – не преминула съязвить Анна. – Упадешь на маты и уснешь. – Но руль все-таки повернула, сворачивая на второстепенную дорогу, ведущую к стадиону «Динамо».

Тренировка в спортзале уже закончилась, большинство ребят разошлись. Трое, особо активных, еще терзали тренажеры. Мимходом поздоровавшись с ними: «Так держать, богатыри!», Ярослав прошел в раздевалку. Анна идти с ним наотрез отказалась и осталась в машине, сославшись на то, что запах мужского пота совсем не похож на французские духи.

– Привет, народ! – поздоровался Ярослав.

Из народа наличествовали Дима Большой, Илья и Леха Кочевник. «Солидные и уверенные в себе мужчины, навсегда застрявшие в тридцатилетнем возрасте», как любил позициони-

ровать ядро «Святогора» его бессменный президент Дмитрий Котов. Все трое предпочитали короткие «военные» прически, но на этом их сходство заканчивалось. Котов, например, получил постоянную приставку-прозвище к своему имени вполне заслуженно. Внешне он напоминал вставшего на дыбы медведя: массивный, ширококостный и весь какой-то по-настоящему «русский». Общее впечатление силы слегка портил неспортивный животик, тем не менее не мешавший ему двигаться на ристалище с невероятным проворством. Президент «Святогора» тяготел к борьбе и любой поединок стремился завершить болевым приемом. Сказывалось самбистское прошлое: по молодости лет, до того как податься в кулачники, он блистал в региональной сборной. Илья, напротив, был сухопар, подтянут и обладал самыми «быстрыми» среди святогорцев руками. А Кочевник являл собой «золотую середину» между двумя этими крайностями. В меру крупный, телосложением он походил на циркового борца конца XIX века, какими их обычно рисовало современное кино. Не хватало напомаженных усов и блюдцеобразных медалей на разноцветных лентах.

Уже почти полностью одетые (Илья даже успел упаковаться в стильное шерстяное пальто), все трое вели неспешную философскую беседу о природе русского мордобоя. Точнее, Дима Большой излагал свои мысли, а остальные двое с ним соглашались или не соглашались. Ярослав вошел прямо в тот момент, когда Илья попытался возразить:

– Нет, перенос палочной техники на ножевой бой не всегда получается... Что ты головой своей мотаешь?! Дистанция-то совсем разная, да и скорость на порядок отличается! Я недавно парням показывал различия. Да вот хоть у Ярого спроси! Здарова, брат.

Ярослав пожал протянутые руки и уселся на скамью.

– О чем спор ведете, уважаемые?

Разговор с приходом свежего участника оживился, хотя тема была не нова и в различных вариациях поднималась постоянно. Основная же идея любого концептуального спора в узком кругу ветеранов дальневосточного филиала «Ассоциации традиционных национальных состязаний народов России» сводилась к вопросу: «Нужен ли современной России русский рукопашный бой?».

АТНС НР организацией являлась молодой, и ее становление проходило трудно. Только по прошествии трех лет после официального создания, чему в свою очередь предшествовала напряженная, кропотливая работа группы энтузиастов во главе с доктором исторических наук Ивановым-Тодорадзе, к «Ассоциации» стали поодиночке примыкать разрозненные клубы народных видов борьбы. Но понятие «состязание» имело смысл более широкий, не ограничивающийся рамками упорядоченного мордобития и ногомахания. Так, под крылом организации привольно чувствовали себя начавший возрождаться гиревой спорт и якутская силовая забава «мастардысы» – перетягивание палки. Но основой, стержнем «Ассоциации» являлся русский рукопашный бой, громко заявивший о себе в начале второго десятилетия XXI века. Сторонниками идей Иванова-Тодорадзе, по крупицам собравшего сведения о боевом русском искусстве и создавшего в городе Тамбове культурно-спортивный Центр по изучению и развитию этого вида единоборств, проводилась широкомасштабная информационно-просветительская и пропагандистская работа.

Вначале только в центральной, а затем и в других частях России стали возникать клубы русского рукопашного и кулачного боя. Оказалось, что этот вид единоборств наиболее физиологически и психологически подходит многим россиянам. Каждый мог найти в нем то, что годилось именно ему. Здоровый, крепкий – попробуй себя в медвежьей забаве – «борьбе в схватку». Ловкий, верткий – борись «за вороток». Готовишься к службе в армии или просто хочешь почувствовать себя настоящим мужчиной – прямая дорога в «рукопашники» или «кулачники». А если вдруг выбрал не то время, чтобы появиться на свет, и тоскуешь по Средневековью и холодному оружию, возьми для начала палку и попробуй повторить за инструктором несколько несложных на первый взгляд движений. Когда научишься окружать себя со всех

сторон свистящим смерчем непрерывной вязи ударов, сможешь то же самое повторить с мечом или булавой, изготовленными по заказу в уральском городе Златоусте. Но самой, пожалуй, яркой отличительной чертой РРиКБ от остальных единоборств являлось то, чего ни одна спортивная система не могла дать своим adeptам. А именно – навыки ведения рукопашного боя в группе, чему способствовала знаменитая русская забава «стенка на стенку». В свое время ее последовательно искореняли и Екатерина Великая, и большевистские вожди, так что к середине XX века она почти совсем угасла. Спустя без малого сто лет тактику стеношного боя кропотливо воссоздали в Тамбове, и теперь редкое народное гулянье там, да и во многих других российских городах, не заканчивалось жутковатым, но красочным зрелищем сходящихся «стенка на стенку» мужчин.

Дальневосточный филиал «Ассоциации», носивший имя «Святогор», отличался особым своеобразием. Помимо изучения и продвижения состязательной традиции коренных народов, населявших эту огромную территорию задолго до появления первых казачьих поселений, только в нем практиковалось обучение русскому ножевому бою. К единоборствам, в классическом спортивном понимании этого слова, искусство владения ножом не относилось и потому входило в «прикладной раздел». К его изучению допускались только люди, имеющие отношение к силовым структурам или состоящие на государственной службе. Таковых в «Святогоре» оказалось немало, и вот уже несколько лет на Дальнем Востоке проводились «турниры открытого вызова» по ножевому бою, поучаствовать в которых приезжали в том числе и зарубежные мастера-поножовщики. К чести святогорцев следует отметить, что увезти золотую медаль с дальневосточной земли не удалось пока никому. Но вот что же первично – нож или боевая дубинка, до сих пор разобраться не могли даже они сами.

Ярослав покинул спортзал через полчаса. Вместе с ним вышел Илья, сумевший вовремя остановить затянувшийся спор.

– Анюта, привет! – поздоровался он, влезая на заднее сиденье автомобиля. – Не изволит ли госпожа лейтенант подвезти старого больного майора поближе к дому?

Илья был давнишним другом семьи, прожженным холостяком и преподавал огневую подготовку в том же военном вузе, где работала и жена Ярослава.

– Здрав желаю! – бодро поприветствовала его Анна, обожавшая играть различными военными фразами, иногда целенаправленно шокируя этим окружающих. – Бу сделано! Как тут отказаться.

– Тогда у ближайшего ларечка притормози, надо пивка купить. И незачем так шуриться. Я специально, может быть, никогда не женился, чтобы никто вот так на меня смотреть не мог. Ярославу пива не предлагаю – обойдется.

За короткое время, потребовавшееся на транспортировку Ильи домой, он успел рассказать занятную новость. Оказывается, Ярослав много потерял, пропустив эту тренировку.

– Представляешь, – рассказывал Илья, – заявляется это чудовище бомжеватого вида в зал. Уселся в уголке, смотрит. Мы только-только разминку закончили. Ну, ты же Диму знаешь! Он кивнул бомжу головой и дальше тренинг ведет. Мало ли кто пришел, может, папаша одного из молодых учеников.

Илюша в свойственной ему ехидной манере описал внешность странного гостя. Выходило, что на вид ему лет сорок – сорок пять. Среднего роста, жилистый. Черные с проседью волосы, как у Горца в исполнении Адриана Пола, собраны на затылке в хвост. Лицо в морщинах, словно дубовая кора, бесцветное какое-то, не запоминающееся. Одет вроде бы чисто, но все вещи давно пора выбросить на помойку, износились.

– Короче, когда Большой на перерыве начал рассказывать, что будто бы опричники Ивана Грозного каким-то хитрым приемам обучались, – продолжал Илья, – этот красавец заявил, что все совсем не так было. Незачем им якобы становиться мастерами боя. Ворвутся ночью толпой

в хоромы, так и сказал, заметь, – «хоромы», собак перебьют, прислугу распинают и хозяина за бороду – хватать! Кто же им, дескать, сопротивляться будет – себе дорожке выйдем.

– А что Дима? – заинтересовался Ярослав. – Наверное, процитировал ему весь сказ про купца Калашникова?

– Ага, и купца вспомнил, и даже какого-то историка-шляхтича. А мужик даже спорить не стал, улыбался только. Дима Большой плечами пожал и принялся нас гонять – «боевые квадраты» отрабатывали. Ну а бомжик досидел до конца тренировки, встал, вежливо сказал «спасибо» и ушел. А самое примечательное, что перед тем как уйти он про тебя спрашивал. Дескать, придешь ли ты сегодня? Я, конечно, промолчал. А ребята сказали, что нет, не будет тебя.

Илья сделал несколько глотков пива и ткнул друга локтем в бок.

– Ярый, у тебя знакомые бомжи есть?

– Пошел на фиг, – беззлобно обронил Ярослав, из последних сил борясь с подступающей дремотой. Затем машинально перебрал в памяти все недавние контакты и памятные вещкизацепки, но никого похожего на описанного Ильей мужчину вспомнить не смог.

Друзья распрощались у подъезда типовой девятиэтажки в спальном районе города, где снимал квартиру Илья, и договорились встретиться завтра в девять часов утра.

В большой комнате царил молчаливая густая темнота, непроницаемые шторы на окнах бескомпромиссно отрезали ее от света ночных фонарей. Но единственному находящемуся в ней человеку не было нужды в освещении. Он неподвижно сидел за массивным пустым столом и, казалось, не дышал. Ему снился сон...

...Пожар свирепствовал уже и на втором ярусе центрального здания. Через удушливые черные клубы дыма временами пробивались языки пламени. Где-то позади, в северном крыле замка, крики ярости и шум схватки все отчетливее заглушались ревом огня и паническими воплями. Восточное крыло пока держалось. Скоро пожар доберется и сюда.

Замок был обречен, его защитники умирали один за другим. Женщины, те, кто мог держать в руках оружие, бросались в самую гущу схватки. В случае плена их участь предрешена, поэтому каждая хотела уйти, сохранив Имя. Старики, используя оставшиеся крупницы времени, сами падали в гудящее жерло пожара, многие прижимали к себе кричащих, бьющихся в истерике детей, не понимающих смысла происходящего. И над всем этим стоял тоскливый вой тех, кто не нашел в себе силы умереть, перекрываемый азартным боевым кличем победителей.

Пятеро мужчин скользили сквозь дымовую завесу без явной поспешности, но не всякий взрослый человек смог бы долго держать такой темп. Движения их казались расчетливо-скупыми, фигуры скрывали темные плащи с капюшонами, низко надвинутыми на лбы. Единственная странность, сразу бросающаяся в глаза, состояла в том, что двое мужчин, замыкающих группу, шли спиной вперед и, по всей вероятности, не испытывали при этом неудобства. Двигаясь по широкому коридору, где могли бы свободно разъехаться две повозки, группа сохраняла плотный строй, образуя правильный квадрат, в центре которого находилась неотличимая от других фигура. Но если руки всех остальных не были обременены ношей, то человек в центре строя нес небольшой плетеный короб, укрытый полосатым шерстяным пледом.

Внезапно помещение наполнилось едва слышным шорохом – это по потолку и стенам скользили извивающиеся тени нюхачей. Значит, Хозяин уже здесь.

Из бокового прохода выскочил ошалевший от происходящего кошмара повар в перепачканном копотью и кровью белом костюме. Красные от дыма, слезящиеся глаза с надеждой смотрели на стремительно приближающуюся пятерку.

– Спасите, спасите меня... – забормотал повар, попытавшись схватить за рукав одного из мужчин. – Возьмите меня с собой...

Группа резко остановилась. Для постороннего человека показалось бы странным, насколько синхронны движения пятерки, особенно учитывая то, что между ними не прозвучало ни единого слова. Повар попытался заглянуть в глаза ближайшего к нему мужчины и уже набрал в легкие воздуха для повторения своей мольбы, но вместо этого из его рта раздался лишь сдавленный всхлип, взгляд намертво прикипел к тьме, скрывавшей лицо под капюшоном. Из складок плаща легким движением взметнулась рука в боевой кожаной перчатке, сложенные вилкой большой и указательный пальцы коснулись лба просящего. Из-под капюшона раздался свистящий шепот. Он длился всего несколько мгновений, а затем сумрачные фигуры, не нарушая строя, устремились дальше.

Повар остался стоять в центре коридора, но пребывал без движения недолго. Когда с той стороны, откуда до этого пришла пятерка плащеносцев, донесся гулкий топот множества ног и лязг плохо пригнанных доспехов, он неторопливо снял со стены тяжелый канделябр, коротко встряхнул его, смахивая на пол горящие свечи, и, пригнув голову, побежал навстречу смерти. Вряд ли рыхлый, мучившийся одышкой человек смог бы послужить серьезным препятствием для роты хорошо вооруженных гончаков, но повар совершил невозможное. Появление нелепой, размахивающей подсвечником фигуры, не воспринятое всерьез, дорого обошлось преследователям. Прежде чем упасть изрубленным в лужу собственной крови и внутренностей, повар сумел изувечить двоих латников. Поскальзываясь и рыча от понимания того, что они безнадежно опаздывают, передовая группа преследователей ускорила свой бег. Команд никто не отдавал – все знали, какая перед ними стоит цель, и обостренным коллективным чувством опытных охотников понимали, что еще чуть-чуть – и можно будет вообще никуда не спешить. Тогда останется только одно – броситься в огонь вслед за упрямыми защитниками замка, потому что быстрая смерть будет лучшим выбором по сравнению с тем, что приготовит им Хозяин. Где-то позади ухнул вниз целый пролет коридора, увлекая в объятия пламени нескольких воинов. Остальные даже не замедлили бег, не попытались помочь. Вперед, вперед, за ускользящей целью! План замка, нарисованный перебежчиком, чьи кости уже обглодали муравьи, давал представление о возможном маршруте, выбранном преследуемыми для отступления. Он завершился винтовой лестницей, уходящей в подземную пещеру. Именно там и захлебнулась погоня. Узкий лаз позволял спускаться туда только по одному. После того как боевой клич шестого посланного вниз воина завершился предсмертным хрипом, предводитель отдал приказ остановиться. Немного времени в запасе еще оставалось, но через миг нужно на что-нибудь решаться. Откуда-то из дальнего коридора, не охваченного огнем, трижды протрубил военный рог. Воины ответили радостными криками. Приближались те, кто сможет спуститься по винтовой лестнице в пещеру и на равных вступить в бой с почти безоружными, но такими страшными врагами. Предводитель отдал приказ к отступлению. Вовремя. В темноте слышались легкие шаги. Четырнадцать фигур в багрово-красных плащах с наброшенными на головы капюшонами приближались к перилам лестницы, на ходу извлекая из складок рукавов короткие ритуальные кинжалы. Звезду Изгоя настигали две боевые пятерки загонщиков и четыре полноценных, бурлящих нерастраченной силой Гранд-Мастера. Следом неспешно шагал Хозяин, преисполненный лютой любви и всепрощающей ненависти. Замок пылал...

Веки сидящего в темной комнате человека затрепетали, он заставил себя сбросить тяжелые цепи кошмара, всплывая из его глубин на поверхность материального бытия.

Невидимые часы на стене громко отсчитывали тягостные мгновения ожидания. Наконец, маленькая стрелка остановилась на цифре «12», а чуть погодя ее спешно обогнала вторая, минутная. Полночь. Человек глубоко вздохнул и открыл неприметную дверцу вмонтированного в стену потайного сейфа. Чуть помедлил, затем уверенно достал из верхнего отделения

старинный кошель, перетянутый кожаной тесьмой. Тонкие длинные пальцы один за другим достали и разложили на столешнице семь камешков. Шесть из них напоминали обычную речную гальку. Но в центре последнего камня, извлеченного из мешочка и оказавшегося почти прозрачным, явственно тлела желтая искра.

– Помощники пробуждаются! – прошептал мужчина и откинулся на спинку кресла. Он был удовлетворен. А горящий желтым огнем камешек, являвшийся единственным источником света в погруженной во мрак комнате, мерцал и готов был погаснуть. Но вот он набрал силу и загорелся, словно крохотная звездочка, превращаясь из обычного невзрачного камня в сияющий кристалл.

– Желтый цвет – неизбежность!

Если бы кто-нибудь смог проникнуть взглядом сквозь тьму, скрывающую лицо сидящего за столом мужчины, то смог увидеть скупую неуверенную улыбку, тронувшую тонкие губы. Он боялся поверить, что давным-давно начатая Игра может закончиться наконец в его пользу. Не хотел отпугнуть капризную суку-Удачу. Потому что очередной провал на этот раз окажется последним. Теперь все зависело от того, загорятся ли остальные шесть камней. Всего шесть камней. По одному на каждый день, оставшийся до Багряного Затмения.

Глава 2. Воскресенье

При современном ритме жизни досконально соблюдать все старинные обычаи просто невозможно. Да и незачем, наверное. Поэтому Прощеное воскресенье – последний день масленичной недели – традиционно отмечалось святогорцами за городом. И никого это особо не волновало, даже тех, кто эти самые обычаи помнил. Вообще-то, в такой день предки нынешних славян отправлялись на погосты, чтобы оставить на могилах родственников блины и другое угощение, а уже потом снимали с души груз накопившихся грехов, винясь перед теми, кого обидели в прошедшем году. А проводы зимы проходили в субботу, когда после Золовкиных посиделок под песни и крики сжигалось чучело Масленицы, или, если вспомнить языческие корни, Морены-зимы. Святогорцы об этом, конечно, знали, но новое время заставило даже их вносить коррективы в народные традиции.

К полудню все собрались на левом берегу Амура, украсили площадку и сбили из привезенных досок длинные столы. Жены и подруги тут же выставили угощение – обязательные блины в закутанных одеялами кастрюлях, крупно порезанную красную рыбу, домашние соленья, строганину из мяса дикой козы и калужью талу – любимую закуску всех охотников и рыбаков. Детишки с визгом и хохотом носились вокруг. Те, кто постарше, взялись соорудить из ивняка и ярких тряпок чучело Масленицы. Гармонист дядя Гарик, по случаю Масленицы уже успевший принять на грудь стопочку крепчайшего самогона, разминал пальцы и пробовал мехи гармоники. Вскоре ему предстояло стать одной из ключевых фигур того самого действия, без которого старорусский праздник просто немыслим.

Дальневосточная Масленица отличается от подобных мероприятий в Центральной России. Вряд ли где-нибудь в Воронеже или Рязани увидишь, как строятся друг против друга две «стенки» – из славян, приверженцев русского кулачного боя, и широколицых, крепко сбитых якутских борцов. С той и с другой стороны желающих набиралось достаточно, но старшие отбрали только по тридцать парней и начали расставлять их в боевой порядок. В центр ставили самых крепких и умелых – им предстояло принять на себя всю тяжесть первого удара. Позади первой линии «славянской стенки» разминались пятеро надёж-«перехватчиков». В случае чего именно они заткнут собой брешь в обороне и не допустят прорыва строя. Якутские борцы, в этот раз избравшие для себя агрессивную тактику, построенную на эффекте сокрушительного массового рывка, «в запасе» никого оставлять не стали.

Позади выстроившихся «стенок», на расстоянии в шесть шагов от спин бойцов, параллельно друг другу положили две длинные веревки. Если противник сможет пересечь охраняемую черту – бой проигран.

Пока «стенки», выдерживая десятиметровую дистанцию между собой, неторопливо разминались, сторонники противоборцев плотным кольцом окружили место ристалища. Дядя Гарик, успевший опрокинуть еще один стопарик и закусить самогонку хрустящим соленым огурцом, подобрался поближе и уселся на специально для него поставленный табурет. Поймав взглядом ободряющий кивок Димы Большого, начал негромко выводить ритм частушечных наигрышей и замурлыкал себе под нос:

– Эх, играй, играй, гармошечка,
Покуда не разбитая,
Эх, гуляй, гуляй, головушка,
Покуда не убитая!

Какая-то девушка, решившая подбодрить «кулачников», озорно взвизгнула и прокричала первую дразнилку, тут же поддержанную громким голосом гармони:

– Выходи, ребята, драться,
Чем зажмурившись стоять,
Ну а мы потом посмотрим,
Кого в губы целовать!

– О-о-о-о! – удивились якутские борцы, а девушка продолжила:

– Ты играй, гармошка наша,
Мы чужую разорвем.
Сами милости не просим
И другим не подаем!

«Да уж, – хмыкнул про себя Дима Большой, оглядывая собравшихся, – спела так уж спела. Не в строку, зато на нужный лад настраивает!» А ребята из «славянской стенки» заулыбались, заухали одобрительно. Противники ответили подначками и беззлобными шутками.

Задорная якутяночка Лена Очирова, учившаяся на филологическом факультете ДВГУ, не оставила частушки без ответа:

– Наши парни все буяны,
Сами делают наганы.
Сами ножики куют,
Кому хочешь надают!

Борцы взревели, вспугнув в ближайшем лесочке стайку любопытных сорок.

Дима Большой вышел в центр утоптанной площадки между «стенками», оглядел бойцов и плотный круг зрителей, подмигнул кому-то и зычным голосом крикнул:

– Здравова, честной народ! Гуляй, Масленица! Не пора ли молодцам размяться в добром бою?!

Ему ответил разноголосый одобряющий крик.

– Ну, тогда начинаем! Старшим даю две минуты до готовности.

«Славянская стенка» скинула верхнюю одежду, оставшись в «фирменных» святогорских красных рубахах-косоворотках, подпоясанных синими кушаками. Якутские парни разделись до пояса и переминались с ноги на ногу, похлопывая себя по голым плечам. Старшими отдавались последние указания, с подошв сбивался успевший налипнуть весенний талый снег. Те, кто не хотел завтра красоваться свежезаработанными синяками, спешно надевали заранее припасенные боксерские шлемы.

– Все готовы? – Дима благо разумно ушел с линии фронта. – Внимание!.. Даешь бою-у-у!

– Даешь бою! – почти сразу же взревели старшие. И две «стенки», с каждым шагом набирая скорость, ринулись друг на друга. Обученные бойцы держали строй ровно, левое плечо впереди, чтобы закрыть подбородок, одноименная рука, как щит, прикрывает ребра и лицо. Правая рука – ударная, у многих поднята над головой, для хлесткого удара «с крыла», по-другому держать десницу не получится – слишком плотен строй, мало свободы для замаха. Вот потом, когда сойдутся, возможность для маневра появится. Сшиблись. Некоторое время над ристалищем слышались только звуки глухих ударов и резкие выкрики дерущихся, а вокруг азартно орали группы поддержки, болеющие за бойцов.

Ярослав, Леха Кочевник и Илья стояли в центре своей «стенки», и основной удар был нацелен именно на них. Первые несколько секунд им пришлось особенно несладко. Ярослав, сдерживая натиск двух противников, получил ощутимый удар справа в челюсть, отчего защит-

ный шлем съехал набок и частично перекрыл обзор. Второй пропущенный удар, попавший точно в подбородок, отозвался тяжелым гулом в верхней части головы. Стиснув зубы, он заставил себя превозмочь боль и восстановил помутившийся фокус зрения. Шибанул «с крыла», угодил одному из супостатов в переносицу, тут же добавил наотмашь в солнечное сплетение. Последний удар получился очень чисто – одним противником стало меньше, якут вылетел из своей «стенки» и скрючился на снегу, лоя ртом воздух, словно пойманная рыба. Ярослав приободрился и тут же получил увесистую оплеуху слева. Перед глазами снова поплыло, но стоящий слева Илья вовремя сориентировался, шагнул вперед и прикрыл Ярослава плечом. Кочевник, прочно утвердившийся справа, также выдвинулся на полшага. В отличие от Ильи, который пребывал в постоянном движении, уклоняясь, подныривая и обманывая противника, Леха стоял, словно столетний кедр: непоколебимо и бесстрашно принимая удары бочкообразной грудью и уверенно вколачивая свои знаменитые прямые двойки в обнаженные торсы якутов. Являясь истинно верующим буддистом, Кочевник даже в пылу схватки старался случайно не изувечить противника, сдерживал силу удара и в голову не бил.

В первые мгновения боя наблюдавшим за его ходом зрителям показалось, что бешеный напор якутов вот-вот принесет им победу. Но «славянская стенка» сумела выровнять строй.

Главное – не поддаться и не отступить в первый момент. Около минуты ни та ни другая сторона не могла сломить оборону противника. Но зыбкое равновесие держалось недолго: стеношный бой, как правило, скоротечен. Якуты, не реализовавшие в первом ударе свое численное превосходство, пропустили момент, когда пятеро надёж-«перехватчиков» противника внезапно из сугубо оборонительной единицы превратились в средство прорыва. Усиленный всеми пятью бойцами резерва центр «славянской стенки» неотвратимо и жестоко продавил их оборону. Строй якутов дрогнул в попытке залатать брешь, но было поздно – их смяли и начали теснить. «Славяне» усилили нажим, кулаки в кожаных шингардах звонко припечатывались к обнаженным торсам. Через минуту и без того потрепанная «якутская стенка» рассыпалась на отдельных бойцов, и их противники одним рывком преодолели оставшиеся метры до заветной черты, по пути подминая и сбивая на землю сопротивляющихся. Группа поддержки победившей команды радостно закричала и заулюлюкала в едином порыве. Дядя Гарик выдал что-то патриотично-забойное на своей тальянке. Якуты галдели недовольно, хмурились и поглядывали вокруг недобро.

Дима Большой, всегда очень тонко чувствовавший настроение момента, тут же взял ситуацию под свой контроль.

– Бойцы, на исходную разойдись! – заорал он, перекрывая крики собравшихся.

Привыкшие к дисциплине святогорцы поступили так же, как на тренировках – через минуту две «стенки» уже снова стояли друг против друга. Дима привычно оглядел строй. Вроде бы все целы. Пара человек и с той и с другой стороны держатся за плечи товарищей, скорее всего, подвернули ноги, вряд ли что-то серьезное. Сейчас к бойцам обращаться бесполезно, они еще не остыли и поэтому думать могут только о новой сшибке. Якуты – парни упорные, умеют стойко терпеть боль и постараются взять реванш любой ценой. И в этот раз вместо забавы дело может обернуться жестоким мордобоем. В любом деле главное – вовремя остановиться, и для завершения «стенки» Дима использовал старый, проверенный временем прием.

– Ну что, друзья, как вам наши бойцы? – обратился он к зрителям, не уточняя, про каких именно бойцов идет речь. Само собой, все ответили дружными одобрительными возгласами. Дима согласился с этим, выдал от себя лично несколько похвал и замечаний той и другой команде и авторитетно потребовал принести ему «братину». Вскоре расписанную «под хохлому» глубокую деревянную посудину, наполненную «пятнадцатиградусной» медовухой, уже передавали по кругу. В этот раз периодически доливаемая братина прошла по рукам три раза, после чего все снова стали друзьями, членами одной «Ассоциации». Дима Большой подозвал к себе одного из инструкторов, отвечающих за подростковые группы.

– Видишь, Семен, мальчишки уже в две «стенки» становятся? – указал он на дальний край поляны, где детишки пытались подражать взрослым в военной потехе. – Иди, пожалуйста, возглавь безобразия, чтобы все по-честному было. И вот еще что. Команды сделай смешанные, чтобы в каждой поровну оказалось и русских, и якутов, и других прочих.

После бойцовской забавы в кровь, перенасыщенную адреналином, алкоголь поступает как-то особенно быстро. Бывшие противники забыли обиды, делясь впечатлениями от «стенки». По сигналу старших привели одежду в порядок, вымыли в снегу руки и лица и неспешно потянулись к столам.

Те, кто не участвовал в коллективной потехе, получили возможность показать свое мастерство и силу индивидуально. В вольной борьбе якуты смогли отыгаться над «кулачками», взяв первое и четвертое места. Леха Кочевник играючи толкнул сто два раза двухпудовую гирию, и этот подвиг уже никто в тот день не смог превзойти. Получив свою порцию восхищенного похлопывания по шарообразным плечам, он вернулся к ожидавшим его друзьям.

– Ярый, а ты чего железяку не поднимаешь? – спросил он у Рязанцева, опускаясь рядом с ним на скамейку.

– Хватит ему на сегодня подвигов, – ответила за мужа Анюта. – Хорошо, что уговорила перед боем шлем надеть, а то пришел бы завтра на работу с синей физиономией, как вурдалак.

– Леха, тебя я все равно не догоню, – отозвался Ярослав. – Лучше давай водочки в честь праздника выпьем. Анюта, ты не против, если герои употребят для пользы здоровью?

– Господа, вы – звери, господа, – грустно заявила молодая женщина и разрешила: – Извольте заодно и мне боевые пятьдесят грамм налить.

Стоящий рядом Илья передал Кочевнику куртку и шапку, принятые у друга на время гиревого соревнования, аккуратно наполнил серебряные стопки и предложил тост:

– Ну, за богатырей! – Выдержал небольшую паузу, покосился шальным глазом на Анну и добавил: – И их боевых подруг.

Ярослав вместе со всеми поднес стопку к губам, но выпить не успел. Без всякого видимого перехода, резко и жестко, разум растворился в темном тумане, а перед глазами словно встала непроницаемая пелена. Это напоминало неожиданное падение в какую-то бездну, когда крик рвется из глотки, но нет сил открыть рот. Больно, страшно.

Чья-то чужая мысль возникла на окраине сознания и начала вгрызаться в мозг, подобно плотоядному червю: «Счастлив ли ты, человек?.. Тебя уже ждут... Ты еще не знаешь об этом, но тебя уже ждут!» Перед его внутренним взором появился неясный образ. Он попытался понять, что это, но не мог, что-то древнее и могучее звало его к себе, нашептывая: «Ты придешь ко мне, и, может быть, мы станем единым целым. Тебя уже ждут».

Ощущение безвременья и полной потери себя казалось настолько реальным, что Ярослава захлестнула волна дикого, рвущего нервы ужаса. «Ты еще не готов к этому, но когда придет срок, ты вспомнишь...» – теперь шепот стал еле слышным, словно шелест отступавшей в море волны. И вдруг неожиданно все закончилось. Ярослав осознал себя на берегу Амура в кругу друзей с нетронутой стопкой в руке. «Что со мной произошло?» – подумал он, но от пережитых им ощущений не осталось и следа, только неясный осадок в душе, да невидимый и неслышимый червячок в его голове наконец-то нашел себе место и затаился до времени.

– Ярый, ты чего водку греешь? – возмутился Илья. – За это, между прочим, Пушкина на дуэли убили, а Кутузову глаз высосали!

– Пошляк ты, брат. Нет в тебе ничего святого, – заявил Ярослав и отправил в организм порцию ледяной «Великоамурской-экстра».

– Это точно, – согласился Илья и предложил: – Пойдемте, что ли, мечи покругим?

Тем временем святогорцы и гости праздника давно уже разошлись по интересам. Кто-то достал из багажника автомобиля крыло скайта и, к восторгу малышни, устроил воздушное

шоу. Дима Большой, успевший обойти все группки и отведать ритуальную стопку за каждой частью стола, с удовлетворением отметил, что праздник в целом удался.

Ближе к вечеру те, кто чувствовал за собой какую-то вину, просили прощения у близких, да и у противников по «стенке» тоже. Завершилось все сожжением чучела Масленицы, общим хороводом и прыжками через костер. Когда основная масса гостей разъехалась, на Приамурье уже напозлали вкрадчивые сумерки. Оставив позади вытоптанный снег и черный пепел сгоревшей Масленицы, люди торопились вернуться в уютные теплые квартиры. Завтра начиналась новая трудовая неделя.

Город на правом берегу реки светился разноцветными огнями, жизнь там текла своим чередом, а на опустевшей поляне с темнеющим в центре нее большим остывшим костровищем время как будто остановилось, замерло в тревожном ожидании. Через несколько часов по древнерусскому обычаю должен наступить Новый год. Для подавляющей массы населения Великоамурска это ровным счетом ничего не значило. Но для малой горстки людей, беззаботно развлекавшихся сегодня, так завершился последний спокойный и обыденный день в их жизни.

Они еще не знали этого.

Недалеко от недавно построенной шестнадцатиэтажной свечки, на пятом этаже которой Рязанцевы полгода тому назад получили двухкомнатную служебную квартиру, в полуподвальном этаже старенькой гостиницы «Восток» процветало питейное заведение с одноименным названием. До того как стать баром и по прихоти нового хозяина перейти на китайскую кухню, «Восток» последовательно побывал в ролях пельменной, закуской, кафе, снова пельменной и, наконец, был причислен к лику кафе-баров. При этом сути своей никогда не менял. Гостиница ветшала, перестраивалась и ремонтировалась. А тезка, прочно оккупировавшая ее цоколь, всегда, несмотря на смену вывесок, оставалась забегаловкой, мистическим образом игнорировавшей повсеместный запрет на курение в общественных местах. Солидная публика в «Востоке» не останавливалась, номеров люкс там никогда не имелось, а правое крыло облюбовали для проживания сезонные рыночные торговцы из страны развитого социализма. Контингент кафе-бара был соответствующим. За дешевыми столами, покрытыми псевдокитайскими циновками, встречались весьма колоритные личности. Бессменная барменша Клава Петровна, похожая на раздобревшую Мэрилин Монро в период глубокого запоя, давно привыкла, что вечером в «Восток» может ввалиться толпа галдящих китайцев, отработавших свое за прилавками. Обычно избегавшие посещать общественные заведения, здесь они чувствовали себя почти как дома и возможных проблем не опасались. Еще бы. Над головой находилось порядка двадцати гостиничных номеров, снимавшихся их соотечественниками. Свистни – сбегутся через минуту.

Местные ребята, привлеченные дешевизной кухни, тоже не обходили «Восток» своим вниманием. В вечернее время за дальними столиками можно было увидеть быкообразных гопников, торопливо поглощающих порции дешевого корма. Им предстояло вскоре выйти на охоту, и они наедались впрок – ночи пока стояли холодные. У барной стойки обычно крутились две-три недорогие потаскушки, потягивающие пиво и строящие глазки любому приличному посетителю.

Но звездой «Востока», без сомнения, считался Кузьмич – сторож с ближайшей автостоянки. Обычно он заходил в бар после окончания своего дежурства – иногда вечером, но чаще утром. Уже от входа ловил взгляд Клавы Петровны, и пока неторопливо проходил к стойке, на ней уже оказывался всклянь наполненный водкой четырехсотграммовый фужер. Закуска из раза в раз не менялась: одинокая маслинка на зубочистке или половина дольки лимона, посыпанная солью, – Кузьмич был эстет и консерватор.

В момент, когда он овладевал заветным бокалом, время в баре замирало. Постоянные клиенты в благоговейной оторопи смотрели, как Кузьмич, ни на кого не обращая внимания, мелкими глотками цедит водку, неторопливо занюхивает рукавом и съедает прилегающую закуску. Потом кивает Клаве Петровне, рассчитывается, окидывает посетителей вмиг подобрешими, слезящимися от снизошедшей благодати глазами и неспешно выходит из помещения. Занавес. Время восстанавливает свой бег. Присутствующие при подвиге китайцы до конца вечера обеспечены темой для разговора.

Вечер Прощеного воскресенья ничем не отличался от любого другого. Посетители кафе-бара приходили, выпивали-закусывали, уходили. Некоторые, кому некуда торопиться, коротали время в бессвязных разговорах за кружкой пива.

В дальнейшем по отношению к барной стойке углу помещения сидел ничем не примечательный мужчина средних лет. На столе перед ним имелась пластиковая тарелка с двойной порцией китайских пельменей, щедро политых корейским майонезом, и нетронутый бокал светлого российского пива. Барменша Клава Петровна сразу отнесла посетителя к разряду «чужаков». Тем не менее на командированного он не походил. В сторону лениво тянущей очередной коктейль Люси, еще достаточно свежей путаны, мужчина не посмотрел ни разу, да и одет был более чем бедно. Странно, что ему вообще хватило денег на ужин в кафе. Еще одна странность, сразу бросившаяся в глаза: чужак читал газету. И это вечером, когда все нормальные мужики, находившиеся здесь, уже пребывали в состоянии легкого алкогольного нокдауна! «Бич (бывший интеллигентный человек)», – мысленно повесила на чужака очередной ярлычок Клава Петровна и утратила к нему интерес. Тем более что атмосфера в баре начала накаляться. Сегодня, наверное, по случаю окончания Масленицы, помещение заполняли только россияне, причем преимущественно мужского пола. По экрану телекоммуникатора, недавно установленного над барной стойкой, шла прямая трансляция хоккейного матча. Именно сейчас местная команда уверенно рвала на своем поле заезжих гостей, что, к сожалению, бывало нечасто. Успех земляков подогревал патриотические настроения посетителей бара. За одним из столиков даже попытались спеть в пять глоток гимн родного хоккейного клуба, но вспомнить смогли только припев, на нем и закончили.

В такие дни алкоголь лился рекой, потому что каждый удачный проход к чужим воротам отмечался очередной порцией пива, а забитая шайба – бутылкой водки. Спиртное – главный источник дохода кафе «Восток», на пельменях много денежек не сделаешь. Но все же Клава Петровна испытывала смутное беспокойство оттого, что за двумя сдвинутыми столиками группа молодых парней провозглашала громкие тосты вовсе не за успех местных хоккеистов, а за их противников. Это было чревато. Пока что на потенциальных самоубийц только недобро косились. Но после первой пропущенной хозяевами поля шайбы к ним отправили делегата с вежливой просьбой «заткнуться на хер!». Молодежь, непонятно каким образом оказавшаяся в баре, ситуацию оценила правильно и на время присмирела. Опытная Клава Петровна после этого хотела посоветовать им поскорее убраться из бара, но они только что сделали очередной немаленький заказ, и меркантильность превысила в ней человеколюбие.

Спортивное счастье переменчиво. Каким-то волшебным образом во втором тайме гости сравняли счет, а к середине третьего уверенно вели 4:2.

– Все, сливай воду, – уныло попытожил один из поклонников местного клуба и без предупреждения опустил пустую пивную кружку на голову сидящего к нему спиной фаната команды гостей. Раздался звон разбитого стекла, и парень, охнув, сполз на грязный пол.

Драки в замкнутом пространстве жестоки и скоротечны. Особенно когда численное превосходство одной из сторон очевидно. Клава Петровна, благоразумно не пытавшаяся разнять дерущихся, нажала «тревожную кнопку», но до приезда экипажа милиции пройдет несколько минут. Оставалось только надеяться, что в этот раз обойдется без поножовщины. Ей очень не хотелось отмывать паркет от запекшейся крови.

– Дави их! – перекрывая какофонию потасовки, совершенно по-людоедски прорычал один из завсегдатаев, заставив барменшу вновь судорожно вдавить кнопку вызова милиции. «Ну где же менты?! Тут же, мать их растак, сейчас все разнесут!»

Между тем на экране телекоммуникатора шли завершающие секунды матча. Хозяева, проявив чудеса владения клюшкой, на последнем дыхании смогли сравнять счет. Стадион стоя скандировал победные кричалки. А из прокуренного бара «Восток» одного за другим выбрасывали на улицу избитых и растрепанных поклонников команды-соперника.

Один из победителей, здоровенный патлатый парень, опьяненный употребленным алкоголем и благополучно закончившейся схваткой, искал взглядом бокал с пивом, оставленный им в сторону незадолго перед дракой. Помещение бара представляло собой неплохую зарисовку на тему мамаева побоища, и только дальний столик каким-то образом смог уцелеть в этой буре. За ним, неторопливо складывая газету, сидел пыльного вида мужчина, по-видимому, не принимавший участия в недавней заварушке.

– А вот и мое пиво! Ты че, гад, по столам шакалишь?! – заявил любитель хоккея, нависая над ним, как атомный гриб над пустыней Невада. Он был не против продолжить потасовку, тем более что объект наезда совсем не выглядел крутым бойцом.

– Берите, – «бич», не глядя, подвинул так и нетронутую кружку на край стола и встал, чтобы уйти. Поднявшись, он оказался ростом на полголовы ниже своего оппонента. Этот факт еще больше укрепил патлатого в желании проучить странного мужчину.

– Не, ну ты борзый ва-аще! – возмущенно пробубльнул он. – Хлебал из моей кружки и думаешь, что я после тебя пить буду?! Давай, выставляй мне новое пиво. И ребятам тоже. Тогда уйдешь спокойно. А иначе...

Мужчина хладнокровно выслушал, что с ним сделают, если он не оплатит выпивку, затем, не поднимая глаз выше плеч противника, сказал:

– Вы ошиблись, молодой человек, я не брал ваше пиво. Мне жаль, что вы заподозрили меня в этом. А теперь позвольте мне просто уйти. Всего вам хорошего.

Многие грубые и ограниченные люди принимают вежливость за признак слабости. Им не дано понять слов великого Сунь Цзы, говорившего, что учтивость может быть таким же оружием, как и готовый к удару меч. Патлатый расслабился. По его мнению, выбранная жертва оказалась не способна на какое-либо сопротивление. Уверенный в своей безнаказанности, он сделал движение, чтобы схватить мужчину за длинные волосы, собранные на затылке в хвост. Но рука поймала лишь воздух, и одновременно в голове взорвался снап острой боли, заставив померкнуть сознание. Опускаясь, словно в замедленной съемке, на грязный пол бара, он в последний момент поймал устремленный прямо ему в лицо взгляд незнакомца, и если бы мог, то завопил бы от мгновенно охватившего все его существо первобытного ужаса.

Не дожидаясь, пока тело противника завершит падение, мужчина плавно развернулся на каблуках и уверенно направился к выходу. В это время недалеко от бара раздались завывания милицейских сирен, и вся толпа посетителей, опомнившись, рванула в том же направлении, реализуя известный принцип «каждый за себя, один Бог за всех».

В абсолютной тьме огромной комнаты длинные пальцы нервно развязали тесемку, стягивающую горловину кожаного мешочка, и высыпали на стол семь маленьких камешков. Миниатюрный камнепад отозвался хрустальным звоном под высоким потолком. И сразу же в комнате стало светлее. Рядом с оранжевой звездочкой уверенно мерцал голубым льдом еще один камень.

– Я был прав! Синий цвет – предназначение! – прошептал по-прежнему скрывающийся во тьме мужчина и резко, словно скупец, сгреб кристаллы узкой ладонью.

Ярослав, спавший на широкой постели рядом с пригревшейся в его объятиях женой, вздрогнул.

Глава 3. Понедельник

Все знают, что за день понедельник, вот только от этого знания никому не легче.

Десять тридцать по местному времени. Архаичный телефон разразился резкими звуками, напоминающими пулеметную очередь. Значит, закончилось совещание руководящего состава и Князь Игорь начал вызывать к себе подчиненных индивидуально.

– Рязанцев слушает.

– Ярослав Владимирович, зайдите ко мне. – В трубке голос Шефа, и он, как всегда, не представился. Смысла отвечать не было, полковник Жук уже положил трубку.

Кабинет начальника второго Отдела подавлял размерами. Длинный стол для совещаний с придвинутыми высокими стульями напоминал взлетно-посадочную полосу. Четыре матово-черных, выполненных в стиле хай-тек сейфа размещались по углам кабинета. В одном из них, как знал Ярослав, находился бар с богатым выбором всевозможных напитков. Противоположную окнам стену занимал экран электронной рабочей карты, в настоящее время неактивный. Неприметная дверь за рабочим местом начальника второго Отдела вела в его личную комнату отдыха. В ней, по слухам, он иногда ночевал. Семья – жена и взрослый сын – не возражали. Они проживали в самовлюбленной и пафосной Москве, не так давно утратившей статус столицы государства.

Князь Игорь восседал в кожаном офисном кресле за отдельно стоящим рабочим столом, на котором лежали несколько бумаг, дело оперучета «Архары» и стоял непрременный стакан с уже остывшим чаем. Стену за спиной Шефа украшал выполненный маслом в стиле «неокубизма» портрет основателя ВЧК – подарок модного столичного художника. На отдельном приставном столике располагалась батарея телефонов и два видеодинамика, один из них обеспечивал прямое соединение с начальником Управления. Сотрудники давно бросили робкие попытки убедить начальника рассматривать электронные копии подготовленных ими аналитических документов. Шеф, начавший карьеру оперативника еще во времена, когда Директором федеральной контрразведки являлся будущий второй Президент России, не утруждая себя объяснениями, правил только тексты, выполненные на бумаге. Возможно, ему просто нравилось писать антикварного вида чернильной ручкой с золотым пером, а может, это был один из элементов раз и навсегда принятой поведенческой модели управленца старой закалки.

– Разрешите войти, господин полковник? – после короткого стука в дверь возник на пороге Ярослав.

– Проходите, присаживайтесь, – пригласил подчиненного полковник Жук. Ярослав отметил, что глаз от бумаг он не оторвал. Это было плохим знаком, значит, направлонец где-то недоработал. При этом присесть ему все-таки предложили, значит, ругать будут не сильно, потечески. Ярослав опустил на приставной стул с высокой спинкой и, привычно отзеркалив позу начальника, изобразил внимание.

– Посмотрел я вашу справку, заодно материалы дела пролистал еще раз, – Шеф сразу взял «быка за рога». – Кое-какие правки внес, вы их увидите по тексту документа. С выработанными рекомендациями в целом согласен.

«Какой же я молодец!» – мысленно похвалил себя Ярослав.

– Тем не менее в данной ситуации, – продолжил Шеф после едва заметной паузы, – мы не будем реализовывать предложенный вами замысел комбинации по изоляции лидера группы и его последующей внутрикамерной разработке. В одном из выводов вы совершенно правильно заметили, что коллеги недостаточно тщательно проработали морально-психологические портреты членов группы. Это значит, что мы не можем смоделировать их действия в случае форс-мажорных обстоятельств. Плюс к этому, по моему мнению, несколько разнящемся с вашим, в рамках ДОУ собрано недостаточно доказательств преступных намерений фигурантов. Если

спугнем негодяев, они затаятся. Не потащим же мы агентуру в зал суда в качестве свидетелей, сами понимаете.

Начальник второго Отдела ненадолго прервался, позволив подчиненному произвести несколько пометок в пронумерованном блокноте для рабочих записей, затем продолжил:

– Есть и второй, худший, вариант. Мы можем своими действиями спровоцировать их на спонтанную активность. В обоих случаях мы в проигрыше. В первом – распишемся в своем непрофессионализме, во втором – подтолкнем сомневающихся подонков к совершению преступления. Необходимо собрать столько материалов, чтобы, если статья по терроризму развалится, мы смогли упрятать всю эту веселую компанию в места не столь отдаленные по другим, не менее законным, основаниям. И чтобы ни один адвокат, а их отыщется достаточно, поверьте мне, не смог зацепиться за наши якобы неправомерные действия и обвинить в провокации. С этим вопросом закончили. Перейдем непосредственно к тому, что вы, Ярослав Владимирович, упустили, изучая материалы.

«Начинается, – подумал Ярослав. – Учеба по-жуковски: сплошные кнуты и ни одного пряника!»

Полковник Жук откинулся на спинку кресла и доброжелательно посмотрел на Ярослава сквозь стекла стильных очков.

– Ну-с, ничего добавить к справке не хотите, господин майор? Нет?.. Тогда записывайте. Первое. Почему уроженец северокавказской республики служит по контракту вдали от дома? Вас это не удивляет? Или вы плохо усвоили материалы методических разработок по особенностям менталитета жителей этого региона России.

– Проведенная по оперативным учетам спецпроверка не выявила наличия компроматериалов, – негромко напомнил начальнику Рязанцев.

– Проверка проведена формально, – отрезал Шеф. – Базы данных содержат сведения на лиц, попадавших в поле зрения правоохранительных органов России и проходивших либо по делам оперучета, либо по уголовным делам. В моей практике, при всем том, бывали случаи, когда под установочными данными одного человека скрывалось совсем другое лицо. Необходимо отправить на родину Казбека мотивированный запрос в территориальный орган безопасности. Приложить фотографии, образцы почерка, сведения об особых приметах. Помимо этого, пробить его по международной информационно-поисковой системе «Террор» и тоже не ограничиваться только Ф. И. О. и местом рождения. Успеваете записывать? Далее. Послать запрос в орган ВКР, обслуживающий военкомат, призвавший основного фигуранта ДОУ на контрактную службу. Пусть коллеги соберут дополнительные сведения о побуждающих мотивах и обстоятельствах. Староват он для контрактника. Может быть, конечно, от кровников скрывается. У них в горах до сих пор глотки друг другу по пустякам режут. Если мое предположение верно, мы выясним, что это за пустяк. О том, что в капкан, возможно, угодил эмиссар радикальной псевдоисламской организации, говорить и думать пока не будем – чтобы удачу не спугнуть. Кстати, не все активные члены таких сообществ известны правоохранительным органам и состоят на учете, иначе давно бы всю шайку пересажали. Там тоже парни головастые трудятся, не зря радужки регулярно получают.

Ярослав, стиснув зубы, набрасывал перечень дополнительных мероприятий. Шеф излагал свои доводы неторопливым голосом, лишенным эмоциональной окраски, но майор чувствовал скрытую усмешку, прячущуюся в уголках тонкогубого рта начальника.

– Второе, – продолжал между тем Шеф. – Вы слишком заикнулись, как и наши коллеги, ведущие дело, на громкой статье «террористический акт». Вся агентура брошена на контроль за поведением объектов разработки и сбор доказательств состава преступления именно по этой статье. Конечно, в случае успеха победителей судить не будут. Но пока что доказательная база слаба. Вы правильно указали в своих выводах на необходимость закрепления информации о преступных намерениях Казбека и членов его группы с помощью аудиовидеосредств. Однако

забыли вписать это в рекомендации. Сделаем скидку на субботний день и спешку. Впредь будьте внимательнее. Дополните документ соответствующим мероприятием. Пусть начальник отдела наконец-то отправит заявку на технарей, оснований для их подключения к делу на этом этапе более чем достаточно.

«Вот черт! – подумал Ярослав, заполняя уже второй лист блокнота. – И вправду мероприятие прошляпил, а ведь читал документ дважды, прежде чем Шефу передать! Это залет».

– Третье, плавно вытекающее из второго. Что можно инкриминировать Казбеку и подельникам помимо подготовки теракта? Вижу по глазам, что вы уже догадались. Конечно, оружие! А точнее, его хищение, хранение и т. д. и т. п. С этим вообще просто. Группа лиц, предварительный сговор. Осталось только доказательства закрепить. Логику начальника отдела я понимаю: все подготовленное для теракта оружие и боеприпасы он собирался изъять, после того как члены группы окажутся в кутузке. Вот только каналы хищения необходимо уже до этого момента выявить и проработать, потом в дивизии такое начнется – небо с овчинку покажется. О том, как Казбеку еще и организацию преступного сообщества пришить и вовлечение в террористическую деятельность, следователи сами позаботятся, на это можно силы не тратить.

– Четвертое, едва ли не самое главное. Необходимо обеспечить вывод из-под возможного удара конфиденциальных сотрудников, работающих по «Архарам». Процедуры и методы стандартные и начальнику отдела по дивизии известны. Но на всякий случай напомнить о них в справке стоит. Все.

Ярослав поднял глаза от страницы блокнота и встретился со спокойным, изучающим взглядом Шефа. Тот, не скрывая, рассматривал подчиненного, пытаясь прочесть эмоциональный фон по его мимике, и Рязанцев подавил в себе поднявшуюся ранее волну досады. Работать простым оперативником не в пример проще. Контакты, вербовки, явки, налаженный механизм контрразведывательного процесса. Получил оперативно значимую информацию, доложил многомудрому начальнику перечень планируемых мероприятий, выслушал решение и помчался его исполнять. У оперативника есть право на ошибки. Опер – чернорабочий, пахарь, ему о высоких материях думать некогда. Другое дело аналитики, «белые воротнички». Исследуют чужой опыт, обобщают предложения, сочиняют умные методички, готовят обзоры и глобальные аналитические документы по уже завершенным ДОУ и реализованным уголовным делам. В общем, делают много умственной работы. Иногда такая деятельность меняет их кардинально. И не только внутренне – именно среди аналитиков самый большой процент сотрудников со временем обзаводится бородой и неуставными прическами. Часто их коллеги, видя, как мыслители вдруг начинают печально копошиться в густой поросли на подбородке, тихонько выходят из кабинета, чтобы не мешать. Ведь именно в это время, возможно, идет напряженный интеллектуальный процесс. И только потом его результаты исследуют в рамках диссертаций еще более мозговитые ребята, составляющие проекты новых ведомственных приказов и указаний. А ведь еще есть достаточно замкнутые касты «разработчиков», инспекторов, штабистов и разномастных технарей. И над всем этим огромная надстройка руководящего аппарата, также делящегося на свои уровни и фракции.

Но ключевым элементом всей этой гигантской оперативно-розыскной машины всегда останется опер, без коего, как армию без солдата, систему Министерства Федеральной Безопасности России представить невозможно. Так что оперу ошибки прощательны, всегда имеется начальник, чтобы его поправить в случае чего. Лишь бы работал родной. Полковник Жук считал, что направлонец – сотрудник второго Отдела Управления – тоже может иногда ошибаться, главное, чтобы он старался этого не допускать и умел извлекать из промахов соответствующие выводы. Поэтому, оценив степень покраснения кончиков ушей подчиненного, он сделал заключение о достаточном воспитательно-учебном эффекте, произведенном на майора в этот раз.

«Парень неглупый, амбициозный, – подумалось ему при виде безуспешных попыток Ярослава скрыть чувства под маской добросовестного служаки. – Подучим еще немного, потом снимем стружку, доработаем напильником, и через год-другой из бывшего опера может вырасти зубастый волчище-направленец. Надо бы давать ему задания посложнее. Чем тяжелее работа, тем быстрее втянется в процесс. Или покажет, что он не годен, и пойдет обратно на землю. Это называется методом полного погружения, меня самого так в свое время учили».

В это время в голове Ярослава роились схожие мысли. По крайней мере, сдаваться он точно не собирался. Вспомнилось нектати, как год тому назад на проставе по случаю вступления в новую должность Классик сказал ему с улыбкой:

– А знаете, Ярослав Владимирович, кто такой направленец? Это сотрудник аппарата Управления, направляющий член начальника в заднепроходное отверстие нижестоящих подчиненных. По сути грубо, но по смыслу – в самую точку. Привыкайте, коллега, и не забывайте перед этим процессом надевать чистые перчатки, а после – мыть руки с мылом.

В качестве участка работы ему нарезали линию антитеррора, ставшую в XXI веке второй по важности для органов МФБ России после внесенных изменений в федеральные законы и ведомственные нормативные документы. В территориальных органах безопасности оперативные подразделения, отвечающие за борьбу с терроризмом и защиту конституционного строя, были значительно расширены. В войсках борьбой с терроризмом занималась четверка – обособленные подразделения Службы ВКР МФБ России и подчиненных ей управлений, решавшие помимо этих задач массу других – от пресечения коррупции в органах военного управления до профилактики хищений оружия в войсковых частях. В свете новых ведомственных приказов направленцы, выделенные в органах ВКР по линии антитеррора, так же как и сотрудники, отвечающие за проведение острых контрразведывательных мероприятий, замыкались лично на руководителей управлений или на начальников вторых Отделов. При этом, даже в случае работы на одном и том же направлении нескольких сотрудников, они представляли собой автономные оперативные единицы. Этим достигалось максимальное сокращение круга лиц, осведомленных об их деятельности. Старый чекистский закон: «Каждый должен знать ровно столько, сколько доверено ему для решения поставленной задачи». Ярослав осознавал, что, пока он не наберется опыта, все самые серьезные материалы по его линии будет тянуть сам Шеф. И только тогда, когда полковник Жук сможет быть уверен в подчиненном, ему представится возможность показать себя в качестве «разработчика» – сотрудника, участвующего в работе по делам антитеррористических операций и курирующего деятельность особо ценных конфиденциальных сотрудников.

Метод «полного погружения», так любимый Князем Игорем, Ярослав испытал на своей шкуре сразу после перевода на новую должность. Эйфория от осознания открывшихся перспектив прошла быстро. Не за горами блазило присвоение майорского звания. Соответствующее представление кадровики отправили сразу после того, как Рязанцев принял на себя обязанности старшего офицера второго Отдела. Он ознакомился с несколькими новыми приказами, к которым ранее не имел допуска, и на «отлично» сдал зачет по знанию общей нормативной базы беспристрастному компьютеру.

Примерно через месяц его уже отправили в первую служебную поездку в качестве направленца. За две последующие недели Ярослав в составе рабочей группы осуществил инспекторскую проверку нескольких подчиненных Управлению отделов ВКР. Пятеро сотрудников аппарата перемещались между городами и городками на скоростных экспрессах по бесмертной Байкало-Амурской магистрали. По пути между остановками играли в преферанс, самую офицерскую из всех карточных игр, пили пиво. Ярослав слушал байки более опытных товарищей, вникал в сложные перипетии управленческих ритуалов и взаимоотношений.

Вот и очередная промежуточная остановка. Встреча на перроне с коллегами, погрузка в служебные авто. Простая схема: приехали, переночевали в гостинице, с утра – за работу. Если

прибыли утром, сразу за дело. Инспектора проверяют общее соответствие оперативно-служебной деятельности требованиям Центра, ориентируясь при этом строго на действующие нормативные документы. Знайки приказов, указаний, а также различного рода дополнений и инструкций, они наводят ужас на оперсостав своей непрошибаемой принципиальностью. Простой, казалось бы, вопрос: «Почему у вас не закрыта резолюция начальника в справке номер такой-то от такого-то числа?» – способен вогнать в ступор даже бывалого оперативника. Обычно старые опытные начальники заблаговременно узнавали о грядущих проверках и устраивали «авралы». Наутро вся воинская часть ломала голову – отчего у особистов всю ночь горел свет. Не иначе распутывали клубок какого-то сложного шпионского дела. Между тем все было гораздо прозаичнее – сотрудники шлифовали имеющиеся в производстве материалы, закрывали мероприятия в позабытых планах и справках. Но от инспекторов спасения не находили – спустя короткое время после проверки из Управления приходила грозная бумага с неприятными выводами и перечнем санкций и указаний.

В ходе той памятной поездки Ярослав, по образному выражению подполковника Некрасова, тренировался на кошках. Оценивал работоспособность и информационную отдачу агента, проводил одну-две контрольные явки в каждом отделе, изучал перспективные первичные материалы, наработанные по его линии деятельности. В общем, знакомился с ситуацией на местах. К рассмотрению дел оперучета с окраской «терроризм», ведущихся в отделах, Шеф его тогда не подпустил, хотя в бытность свою опером Рязанцев участвовал в работе по нескольким ДОУ и даже получал за это поощрения руководства. То, как уважительно общались с ним начальники проверяемых отделов, вначале вызывало у Ярослава чувство легкой паники, как будто он присвоил себе чужой титул или заслуги и скоро его, как Хлестакова, раскроют. Но вскоре он понял, что прежде всего в нем видят не Рязанцева Ярослава Владимировича, а «руку второго Отдела». По всеобщему мнению, Князь Игорь просто не мог направить на проверку некомпетентного специалиста. Приходилось соответствовать. Скрупулезно разбирать порученные вопросы и, чтобы сохранить ясную голову, отказываться от обязательных вечерних банных посиделок. К концу поездки слух о следующем в составе группы инспекторов серьезном молодом направленце, отвергающем прелести русской бани, уже шел перед ним.

На подготовку отчетов по итогам выезда Шеф отвел ему три дня. Ярослав справился. Впоследствии он понял, что одно дело – выполнить план проверки, содержащий четкие указания, что, как и для чего необходимо изучить. И совсем другие качества потребуются при рассмотрении отдельно взятых оперативных материалов. Все равно что сравнивать работу маляра и художника. Как говорил Князь Игорь: «Больше творчества, ребята. Не ограничивайте себя узкими рамками действующих приказов и инструкций. Опер может позволить себе векторный стиль мышления. А направленец должен мыслить объемно!»

С того времени прошел без малого год. «Архары» стали седьмым делом оперучета, доверенным для рассмотрения Ярославу за последние четыре месяца. Но еще ни разу не выдавалось случая, чтобы молодому направленцу не пришлось дорабатывать подготовленный документ. Успокаивало то, что его предшественник, по общему мнению, практически вундеркинд оперативно-розыскной деятельности, в этом плане был ненамного удачливее Ярослава. Но равняться на него не стоило, иначе можно было закончить так же, как и он: возглавить отдел ВКР по отдаленному гарнизону, осуществлять поиск шпионов среди белых медведей и вербовать моржей. В настоящее время Рязанцев адекватно оценивал себя как достаточно толкового подмастерья, способного придать изделию общую форму, а Князь Игорь рукой мастера вносил недостающие штрихи. Второй «уровень мастерства» направленца будет достигнут только тогда, когда Ярославу дадут право собственного рекомендательного голоса и доверят рассмотрение материалов ДОУ непосредственно «на месте», без запроса их в Управление. А там уже и до «разработчика» недалеко.

– Я надеюсь, Ярослав Владимирович, вы все поняли? – поинтересовался Шеф в завершение беседы. – Готовый документ представьте мне через четыре часа. Если нет вопросов, свободны.

«Значит, обед отменяется», – подумал Ярослав обреченно и, коротко кивнув, вышел из кабинета начальника.

Справку он закончил в срок. Дело по распоряжению Шефа передал штатному следователю. Ему тоже предстояло вынести свои заключения по материалам «Архаров», но не с оперативной, а с юридической точки зрения, в том числе определить предварительную степень вины каждого участника организованной Казбеком группы и выработать предложения по оперативному сопровождению будущего уголовного процесса. Узнав, что часть работы за него уже сделана во втором Отделе, следователь приободрился, крепко пожал направленцу руку и устремился в буфет.

На Дальнем Востоке уже перевалило далеко за полдень, а поздний весенний рассвет в окрестностях Дома только вступал в свои права.

Элитный поселок, состоящий из двух-трехэтажных коттеджей, просыпался неспешно. Сквозь задернутые шторы и жалюзи окон то здесь, то там начинал пробиваться электрический свет. Просыпались свирепые сторожевые псы, спокойно спавшие всю ночь в своих отапливаемых будках. При уровне охраны класса «Экстра-Х», неизменно поддерживавшемся на территории поселка, присутствие почти за каждым забором зубастых кровожадных тварей, специально натасканных в лучших московских кинологических школах, казалось атавизмом.

Периметр, обнесенный высокой кирпичной стеной, через каждые сто метров усилен охранными башенками. В них строгие вооруженные парни круглосуточно несут дежурство, наблюдая за мониторами следящих и контролирующих систем. Въезд на территорию осуществляется через единственные ворота, способные выдержать таран среднего танка. Система пропуска отлажена до мелочей, персонал частного охранного предприятия, обеспечивающего охрану, каждую неделю проходит выборочную гипнологическую проверку. Хитроумные психологи из службы безопасности Корпорации «STU-ltd.» ведают про охранников даже то, что они сами про себя не знают. Причины малейшего сбоя обычного эмоционально-психологического фона подвергаются тщательной проверке. Может быть, просто с любимой девушкой поссорился, а вдруг недоброе задумал?

Но даже в этом защищенном месте имелась территория, куда допускались немногие. В географическом центре поселка высился двойной забор из дорогого голландского огнеупорного кирпича, обычно пускаемого грамотными и бережливymi хозяевами лишь на облицовку домов и коттеджей. За ним виднелась двускатная, крытая черепицей крыша одноэтажного приземистого строения, не отягощенного архитектурными излишествами. Перед этими стенами гости любого ранга оставляли свои личные авто и охрану на специальной бетонной площадке и пересаживались в подъезжающие легкие электрокары. Затем через автоматически открывающиеся неширокие ажурные ворота посетители попадали в пространство между двумя стенами и, только проехав более трехсот метров вдоль них, наткнулись на будку охранника, напоминающую дзот времен Второй мировой войны. Сходство усиливали стволы двух тяжелых станковых пулеметов, торчащие из амбразур. После короткого обмена фразами по селектору и сличения антропометрии гостей с базой данных охранной системы электрокары пропускались сквозь находящиеся за дзотом массивные броневые ворота. Со дня возведения поселка в конце прошлого века данная процедура не изменялась ни на йоту. Исключений не делалось ни для кого.

Ворота во внешней стене открывали въезд в просторный двор, засаженный всевозможными кустарниками и карликовыми деревьями. Чуткое ухо могло бы уловить негромкий голос ручейка, бегущего по искусственному руслу. Иногда то тут, то там сквозь пока еще голые ветки виднелись очертания больших деревянных беседок, соединенных между собой гравийными дорожками. Искушенный посетитель мог рассмотреть в ассиметрично-утонченной простоте сада влияние японской культуры на вкусы хозяина Дома. И оказался бы не прав.

В центре этого странного сада возвышался серый куб Дома. Абсолютно ровные, покрытые нарочито грубой штукатуркой стены не имели окон, зато каждая оказалась снабжена массивными двустворчатыми дверями высотой в два человеческих роста. Двускатная крыша, имевшая необычно малый угол скоса, не несла на себе никаких надстроек; не было на ней ни спутниковой тарелки, ни иных приемопередающих антенн. Оценить реальные масштабы здания, высотой превышавшего обычный трехэтажный дом, получалось, только оказавшись в непосредственной близости от него. У людей, впервые его увидевших, Дом вызывал неосознанное чувство тревоги, поневоле заставляя вспоминать десятки просмотренных триллеров с однозначно плохим концом. По периметру двора на равном удалении друг от друга располагались четыре уменьшенные копии центрального строения – помещения для охраны и прислуги. Внутреннее убранство Дома, несмотря на первое впечатление, было как нельзя лучше приспособлено для жизни и вполне отвечало вкусам его Хранителя. Толстые полутораметровые стены скрывали череду комнат с высокими потолками и фальшивыми витражными окнами. Мебель казалась безликой и функциональной. Украшения и какие-либо другие штрихи, позволявшие сложить представление о привычках и образе жизни обитателей Дома, отсутствовали. Черный мраморный пол, отполированный до глянцевого блеска, словно бы впитывал в себя мягкий свет, исходящий от светильников, симметрично расположенных на стенах и потолке. Основной коридор представлял собой правильный крест, каждый из лучей которого оканчивался витой кованой лесенкой, ведущей на второй этаж.

Где-то наверху раздался бой старинных часов. Восемь утра. И ровно с последним ударом по лестнице, находящейся в южной части Дома, на первый этаж спустился невысокий сутулый мужчина. Свободный костюм-тройка не мог скрыть аскетичную худобу. Длинные светлые волосы, гладко зачесанные назад, открывали высокий, прорезанный глубокими поперечными морщинами лоб. Высокий воротник белой накрахмаленной рубашки упирался в волевой подбородок, изуродованный давним шрамом, поднимающимся от основания шеи через правую щеку и исчезающим за стеклами непроницаемо черных очков.

– Доброе утро, господин. – Беззвучно появившийся рядом одетый в черное широкоплечий секретарь предложил ему свою руку. Мужчина, оставив перила, привычно опустил ладонь на предплечье слуги. Тот подождал секунду и, не получив иных указаний, повел незрячего хозяина в кабинет.

Пока они следовали по коридору, мужчина по-прежнему хранил молчание и, только устроившись в высоком деревянном кресле с жесткой спинкой, негромко произнес:

- Мне показалось или в комнате для гостей ожидает Бруно?
- От вас, как всегда, ничего не укроется. Бруно прибыл перед рассветом, господин.
- Надеюсь, он принес хорошие новости.
- Не знаю, господин, я с ним о делах не говорил.
- Это был не вопрос, Самум, – бесстрастно обронил слепец. Слуга промолчал.

В кабинет, открыв широколобой мордой узкую дверь, протиснулся похожий на бурого медведя туркменский алабай. Скрежеща по мраморному полу длинными когтями, он неторопливо протрусил к креслу хозяина и, обойдя монументальный стол с одиноко стоящей хрустальной пепельницей, уткнулся ему в колено. Коротко вильнул обрубком хвоста и замер.

– Привет, Абрек, дружище, – неожиданно тепло поприветствовал зверя Хранитель Дома. – Ложись. Разберусь с делами – пойдем гулять в сад.

Алабай грузно опустился на пол прямо у его ног, зевнул, показав пасть, полную устрашающих костяных кинжалов, и уставился недобрым взглядом на обувь секретаря. Слуга нервно переступил с ноги на ногу и отодвинулся на полшага назад.

– Самум, – обратился к нему мужчина, – пригласи сюда Бруно. Пока мы будем беседовать, составь подробный отчет по действиям нюхачей за прошедшую неделю. Не думаю, что они выудили что-то действительно стоящее, но все же... Можешь идти.

Слуга коротко кивнул, как будто слепец мог это видеть. Как ни странно, мужчина ответил таким же полупоклоном. Не поворачиваясь спиной к алабаю, буквально сверлящему его своими темными глазами, секретарь покинул кабинет. Мужчина уверенно открыл ящик стола, достал сигару, обрезал кончик позолоченными ножницами, затем долго и старательно ее раскуривал. Наконец пустил в воздух кольцо ароматного дыма. Когда в коридоре раздались твердые шаги, он щелкнул пальцами, и зверь, рывком подняв тело с пола, тут же сел рядом с креслом.

– Мастер-Ловец приветствует Гранд-Мастера, – прозвучал из-за двери голос гостя.

– Входи, Бруно, – холодно ответил слепец. – И оставь этот официоз, прибережем церемонии до лучших времен.

На пороге, опираясь на трость, появился высокий, еще крепкий на вид старик в строгом костюме. Загорелое горбоносое лицо почти полностью скрывала густая коротко подстриженная борода, шапка абсолютно седых волос на голове пребывала в беспорядке. Войдя, он окинул помещение быстрым коротким взглядом, поправил шикарный шелковый галстук и произнес густым хриплым басом:

– Доброго времени суток, Вильгельм. Я вижу, ни Дом, ни ты не изменились. Все такие же холодные и неприветливые.

Слепец откинулся на спинку кресла, неторопливо выпустил в сторону гостя струйку густого сигарного дыма и замер.

Создавалось полное ощущение, что он разглядывает Бруно сквозь непроницаемые очки. Алабай, сидевший все это время неподвижно, также поднял взгляд от пола и теперь смотрел прямо в глаза вошедшего, на морде огромного зверя застыло настороженное выражение. Наконец, хозяин приглашающим жестом указал на единственный стул, приставленный к столу. Бруно неторопливо устроился на узком неудобном сиденье, словно сообщая о том, что любая аудиенция будет короткой и деловой. Гранд-Мастер сделал очередную затяжку, безжалостно затушил сигару в пепельнице и приказал:

– Докладывай, Ловец. Начни, пожалуй, с очередного своего промаха, стоившего жизни нескольким загонщикам.

– Я знаю, что нюхачи уже успели донести это известие до твоих ушей. Готов ответить за каждого потерянного человека. И все же их смерть не была напрасной, Вильгельм, – спокойно и размеренно пробасил Бруно. – Общая картина все больше прорисовывается. Мы знаем, какие из Врат доступны для нас, а какие пока еще остаются вне сферы нашего контроля. Кстати, не забывай, что отдельные Врата находятся под охраной и защитой разнообразных правительственных и частных структур.

– Это как раз никогда не было проблемой. Главное – склонить на нашу сторону Привратников. В момент перехода только этот фактор будет иметь значение. Насколько я знаю, Привратник Северных Врат в очередной раз отклонил наше вежливое предложение? Напомни, Бруно, скольких загонщиков он забрал с собой, до того как вы его уничтожили?

– Пятнадцать, – четко доложил Мастер-Ловец, вставая с неудобного стула и выпрямляясь во весь свой немалый рост. Не глядя на сидящего напротив человека, он с мазохистским смирением начал перечислять: – Три полноценные, специально обученные захвату Привратников боевые пятерки. Командиры: Джинн, Зеро и Шерр. Личный состав первой пятерки...

– Список безвозвратных потерь и полный отчет о бездарно проведенной операции передашь моему секретарю, – оборвал его слепец.

– В нашем поражении есть и свои плюсы. Изгой не сможет в этот раз воспользоваться Северными Вратами.

– Да, не сможет. Но только в ближайшее Затмение. А следующий Привратник никогда уже не встанет на нашу сторону. В итоге мы получили вместо нейтрала реального врага. Плохо, Ловец, плохо. Грубо сработано. А теперь, будь добр, ответь, сколько загонщиков родилось за последнее тысячелетие?

– Девяносто два, – опустил голову Бруно.

– Плохо, Ловец, плохо, – вновь повторил Гранд-Мастер, как будто это собеседник виновен в том, что представители их расы, очень давно сбежавшие в этот мир, постепенно утрачивали репродуктивные функции. Если бы не почти бессмертное, по местным меркам, существование, процесс полного вымирания и ухода в ничто завершился бы много сотен лет назад. Потеря каждого члена общины, будь то рядовой загонщик, Подмастерье, или, спаси Хозяин, один из Мастеров, обходилась очень дорого. К тому же большинство рожденных здесь сами почему-то оставались бесплодны. «Мулы» – презрительно называли их ветераны, помнившие цвет неба родины. Именно таких – молодых и бесплодных – кидали на самые опасные задания.

И все равно это были загонщики! Возвращенные по кодексу Своры и познавшие «Догматы Боя». Любой из них в схватке стоил взвода солдат элитных спецподразделений этого мира. Ветераны стоили батальона. Может быть, направь он их вместо молодняка, все повернулось бы по-другому? К чему теперь гадать о несбывшемся, когда кровь погибших впиталась в песок.

Бруно полностью перенес вес тела на здоровую ногу. Долго находиться в вертикальном положении он не мог, не помогала даже верная трость. Тяжело посмотрел на Гранд-Мастера, и лежащий у его кресла алабай ответил прямым свирепым взглядом. Мастер-Ловец быстро опустил седовласую голову, зная: то, что видит пес, видит и его господин.

– Что молчишь? – недовольно спросил Слепой Вилли, комкая в тонких пальцах шерсть на загривке пса, поднявшуюся вдруг дыбом.

Бруно мог многое сказать в свое оправдание. Мог и не сказал.

Потери пятнадцати загонщиков могло и не быть, если бы Гранд-Мастер разрешил ему с самого начала использовать силовой метод решения проблемы. Но Слепой Вилли настаивал на замаскированном шантаже и постепенном склонении Привратника к сотрудничеству. При этом он очень некстати вспомнил успех подобной тактики на Востоке. Но как можно сравнить лед и воздух? Бруно прекрасно помнил свои возражения и оказался прав. Вариант подобного давления очень разозлил Привратника. Вначале он долго не мог понять, кто виновен в его несчастьях. Близорукий, он искал недруга слишком близко, среди своих. Бруно наблюдал и улыбался. Все казалось блестяще рассчитанным. Аналитики из числа опытных Мастеров просчитали возможные ходы жертвы. По их мнению, сама память о Хозяине и его слугах почти исчезла вблизи Северных Врат. Что неожиданного мог выкинуть местный колдун, недавно получивший Имя от престарелого родственника? Безупречно спланированная, растянувшаяся на годы Игра должна была заставить его на коленях приползти к подножию трона Хозяина и лизать сапоги его слуг. Стоило только вовремя протянуть ему руку помощи и напомнить о том, что есть на свете сила (могущественная и справедливая), способная защитить его от напасти. А еще есть враг-вражина. Нынешнее имя и обличье его неизвестны... Изгой. Не он ли виноват в бедствиях Привратника? Не получилось. Северянин оказался смышлен, не зря за короткий срок стал самым сильным кудесником в своей части мира. В итоге долговременная многоходовая комбинация провалена. Северные Врата на время запечатаны, остатки семьи Привратника исчезли, а сам он сдох, прихватив с собой пятнадцать «мулов». И все-таки Бруно не считал себя ответственным за поражение. Точнее, считал, но только отчасти.

– Но... – начал он, собравшись с духом.

– Ты упустил момент для ответа. Теперь помолчи, – негромко попросил Гранд-Мастер, и следующие три минуты они провели в тишине. Гость за это время смог во всех деталях

рассмотреть лицо хозяина кабинета, погружившегося в глубокие размышления и машинально поглаживавшего лобастую голову сидящей рядом собаки.

С момента их предыдущей встречи прошло всего чуть больше десяти месяцев, но Бруно отметил разительные перемены, произошедшие за этот срок. Вокруг тонкогубого рта Вильгельма залегли две поперечные морщины, лицо приобрело восковую бледность, из-за чего уродливый фиолетовый шрам выделялся особенно резко. Несмотря на кажущуюся невозмутимость, опытный взгляд Ловца уловил в жестах и поведении Гранд-Мастера признаки несвойственной ему нервозности. «Наверное, – подумал Бруно, – неудачи загонщиков не единственная проблема, свалившаяся на Слепого Вилли за этот непростой для всех год». Словно уловив его мысли, тот неожиданно поднял голову и произнес:

– А как дела у нашего восточного друга? Он не забыл о нашем существовании?

– Да, от Привратника Восточных Врат регулярно поступают отчеты и заверения в лояльности. Но ты же знаешь Привратников, Вильгельм, они неуправляемы. А давить на него смысла нет, может вообще сорваться с крючка. Получится потом как с этим, северным...

– То есть дать стопроцентную гарантию в его честности ты не можешь?

– В наше время я даже за свою правдивость на все сто поручиться не смогу. Не напрягайся, Вильгельм, это шутка. А по поводу Привратника... Ты изобрел способ чтения мыслей этих уродов?

– Нет, Бруно, – спокойно ответил Гранд-Мастер. – Только Хозяин мог ломать их волю, но есть же и другие способы вызнать то, что нас интересует. Покопайся в его ближнем окружении. Бывает, что отдельные штрихи и намеки очень надолго задерживаются в памяти людей. Для них они ничего не значат, но мы сможем их правильно истолковать.

– А твои нюхачи уже не справляются?

Гранд-Мастер вновь откинулся на спинку кресла и, как показалось гостю, с плохо скрываемым раздражением произнес:

– Среди них тоже потери. Ты как будто не знал? Все силы брошены на поиск следа Изгоя. В прошлый раз ему не удалось прорваться через Врата, он обязательно попытается сделать это сейчас. А мы не знаем, ни какое обличье он использует, ни какими Вратами собирается воспользоваться.

– А время перехода все ближе... – едва слышно обронил Бруно.

– Вот именно! – рявкнул Гранд-Мастер. Алабай угрожающе зарычал и начал приподниматься, готовясь к атаке, но легкое поглаживание по холке заставило его вновь опуститься рядом с креслом.

– Мы не можем промахнуться и в этот раз, Мастер-Ловец. Поэтому должны приложить все усилия к пленению Изгоя. Идеальным был бы вариант захвата всей его пятерки-звезды. Учитывая, что все действующие Мастера на нашей стороне, ему придется набирать помощников среди слабообученных новичков или вообще проводить инициацию тех, кто окажется под рукой. В любом случае он будет пытаться осуществить переход. Поэтому начиная с этого дня я, властью мне данной, объявляю введение особого режима. Необходимо усилить охрану Западных и Южных Врат до оранжевого уровня. Привратников – под домашний арест. Если взбрыкнут – усыпить. Рисковать мы не можем. Вратами больше – Вратами меньше, сейчас это уже не имеет значения. Окрестности должны просто кишеть твоими загонщиками. Когда наступит время перехода, Изгой не должен пройти мимо них незамеченным. Нюхачи возьмут под опеку всех активных Мастеров независимо от степени их лояльности. Обеспечь подготовку нескольких групп захвата. Они должны находиться в готовности вылететь на место, при наличии малейшего подозрения о предстоящем прорыве...

Бруно, казалось, не слушал слепца. Все известно заранее. Ничего нового придумать они не могли. Меры безопасности, вводимые для обеспечения особого режима, оставались неизменными на протяжении многих сотен лет. Пройти сквозь создаваемые заслоны просто нере-

ально. И, несмотря на это, Изгой не оставлял попыток прорваться к Вратам. Набирал помощников, создавал звезду и бросался в бой, теряя ее лучи один за другим, так и не достигнув цели. Вот только Гранд-Мастер терял в этих схватках ветеранов, а ради Изгоя умирал глупый молодняк. Разнокалиберные недоучки из местных. Невероятно, но факт. Все силы Гранд-Мастера и его армии не хватало, чтобы пленить Изгоя. Ни во время активности Врат, ни после – в период ожидания следующего Багряного Затмения. Никто не мог знать, какой облик выберет себе Изгой для маскировки. Иногда, отступая, он затаивался на несколько столетий.

Гранд-Мастер с нетерпением ожидал предстоящее Затмение, надеясь, что именно в этот раз неуловимый враг будет захвачен. Проигрывая неумолимо подступающему дряхлению, теряя одного за другим соратников-ветеранов, Вильгельм внутренне улыбался. Ведь Изгой тоже не вечен и рано или поздно должен поставить все на карту в безнадежной попытке прорваться домой. Почему бы не в этот раз?

А Хозяин, запертый между двумя мирами, оказался не способен чем-либо помочь своим слугам.

В красном углу служебного кабинета подполковника Некрасова висел портрет борода-того лысого мужчины средних лет с хитро прищуренными глазами и красным бантом в петлице старомодного пиджака. На никелированной табличке, прикрепленной к нижней части рамы, было выбито: «Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства».

Некрасов аккуратно убрал документы в сейф, туда же отправил съемный жесткий диск старого, но надежного «шестого пенька». Работа на сегодня закончена, хотя составление очередного аналитического документа заняло больше времени, чем он мог предположить. Девятнадцать сорок пять по местному времени. Пора домой.

В отличие от подавляющего большинства своих коллег Классик был убежденным холостяком. В свое время это весьма ощутимо тормозило его карьеру. В самом, пожалуй, консервативном чекистском сообществе до сих пор с подозрением смотрели на сотрудников, не спешивших обзаводиться семьей. Многие кадровики впадали в ступор, когда не находили в аттестациях и характеристиках, составляемых на очередных этапах службы Некрасова, неизменных строк: «...отношения в семье строятся на основе доверия и взаимного уважения...». Перезванивали руководителям сотрудника, уточняли – да, не женат.

Экран видеофона замигал сигналом вызова. Прежде чем нажать на кнопку связи, Классик выждал несколько секунд, но изображение абонента не появилось. Странно. Мимолетом удивившись, что кто-то пытается найти его в Управлении, после того как рабочий день официально закончился более чем полтора часа назад, он нажал кнопку «принять вызов».

– Некрасов у аппарата, – слегка растягивая гласные, произнес он.

Тишина. Экранчик видеофона остался черным, и лишь в динамике раздавались едва слышные потрескивания. Затем невидимый абонент сбросил вызов, экран пошел частой рябью.

– Ну и сам пошел на х...й! – с досадой сказал Некрасов и стал собираться домой.

Покидая кабинет, он не к месту вспомнил одну старую шутку про оперативника, крайнюю степень опьянения которого можно узнать, когда он при выходе из ресторана пытается опечатать дверь. Это был сигнал, и игнорировать его не стоило. «Доверимся интуиции, – решил Классик. – Сегодня кончатся все деньги, сегодня пиво и блюз! О-о-о я хучи-кучи мэн!»

На город уже легли плотные сумерки, а фонари должны включиться только в десять часов вечера. Классик любил эту пору, когда улицы освещались только светом, падающим из окон домов и фарами проезжающих мимо автомобилей. Он решил прогуляться пешком, тем более что весенняя погода располагала к небольшому променаду. По пути сделал пару звон-

ков с мобильного. Друзья-приятели, в большинстве своем семейные, на приглашение «сходить куда-нибудь в кабак» с сожалением отказались. Подруга Леночка, разбитная синеглазая физкультурница, в течение последних трех месяцев скрашивавшая своим присутствием холостяцкие будни Классика, пожаловалась на болезнь мамы: «...Оставить ее в таком положении просто преступление!» В завершение беседы она пообещала, что все выходные проведет только с ним, но на это уже был не согласен сам Некрасов. Вынести сорок восемь часов ее присутствия не получалось ни разу, Леночка утомляла своей ненасытностью и откровенной глупостью.

В итоге он оказался дома в одиночестве, зато с бутылкой любимого виски «Джек Дэниэлс», купленного в ближайшем супермаркете.

Однокомнатная квартира Некрасова казалась стерильно чистой и по-самурайски суровой. В единственной комнате привольно размещалась «полутораспальная» кровать, два глубоких кресла и журнальный столик. На противоположной от окна, забранного римскими шторами, стене чернел прямоугольник плоской панели телекоммуникатора. Все немногочисленные пожитки аккуратно расставлены, сложены и развешаны в шкафах-купе, занимающих три стены из четырех. Классик пытался завести какую-нибудь зверюшку, радостно бы встречавшую его по приходе домой, но один случай навсегда поставил крест на этом желании. Несколько лет назад, сорвавшись во внеплановую командировку, он совсем забыл про своего сиамского кота, делившего с ним холостяцкий быт. Вспомнил через два дня, позвонил другу (у него Николай на всякий случай хранил запасной комплект ключей от квартиры) и через некоторое время увидел в экранчике видеофона расцарапанную физиономию. Никогда еще Классик, в то время только получивший на погон майорскую звездочку, не слышал такого отборного мата от кандидата философских наук Якова Абрамовича Бредгауэра. К слову сказать, кот, проложивший себе путь к свободе прямо через заслуженного ученого, так обратно и не вернулся.

Некрасов переделал в домашнее и активировал на коммуникаторе функцию ТВ. По главному федеральному каналу передавали очередной выпуск новостей. Они мало отличались от утренних и были известны наперед. В Отечестве сегодня спокойно; курс рубля по отношению к основным мировым валютам стабилен; арабы на Ближнем Востоке вяло грызутся с евреями и янкесами; Египет на треть снизил стоимость услуг своих туроператоров, но любоваться на пирамиды почему-то желает все меньше россиян. А очередную забастовку железнодорожников во Владивостоке упомянули вскользь, как досадное недоразумение. Разбираться с инцидентом спешно вылетел из Питера министр путей сообщения, получивший крепкого ускоряющего пинка непосредственно в кабинете премьера.

– «Кинескопы телевизоров – это презервативы реальности», – с усмешкой процитировал он Дитера Хильдебрандта, переключил канал на «Русский музыкальный» и под бодренькие звуки очередного попсового хита ушел на кухню. Обстановка здесь в отличие от комнаты поражала многообразием предметов.

Получая приличное, по меркам обывателя, денежное довольствие, Некрасов не отказывал себе в дорогих бытовых игрушках. Хотя гости порой не могли понять, зачем холостяку мощнейшая посудомоечная машина или многофункциональный кухонный комбайн, занимавший отдельный столик. Чтобы объяснить пристрастие хозяина к механическим помощникам, позволяющим сократить бытовые хлопоты до минимума, прямо посреди стены над встроенной в кухонный стол стиральной машинкой красовалась латунная табличка с изречением Сенеки: «Сколько бы мы ни старались, жизнь бежит быстрее нас, а если мы еще медлим, она пронесется, словно и не была нашей, и, хотя кончается в последний день, уходит от нас ежедневно». Те, кто смог прочитать и запомнить с трех раз эти слова, вопросов больше не задавали.

Достав из холодильника вакуумную упаковку «Мясного ассорти» и опустошив форму для изготовления ледяных кубиков в специальную вазочку, Некрасов вернулся в комнату. Упал в кресло, распечатал «JD» и, достав из бара хрустальный толстостенный стакан, на два пальца

наполнил его тягучей янтарной жидкостью. Последний штрих – три кубика льда – ни больше и ни меньше.

Пощелкав каналы, остановил в конце концов выбор на «Ретро-фильм». Там начиналась историческая кинокартина Бодрова-старшего «Монгол», впервые просмотренная в далекой юности.

«То, что доктор прописал!» – решил Некрасов и сделал первый крохотный глоток.

– Он точно никуда не собирается сегодня? – спросил коренастый крепыш у стоящего рядом сутулого парня, кутавшегося в светлый, до пят, плащ с поднятым воротником.

– Если сразу не вышел, значит, будет до утра дома, – уверенно ответил тот. – Тем более что все его знакомые заняты сегодня. Даже девка. Теперь сидит перед экраном, мясо жрет, виски потягивает.

Они синхронно подняли головы и посмотрели на светящийся квадрат окна, занавешенного плотными римскими шторами.

– Как эмоциональное состояние добычи? – снова спросил крепыш.

– Насколько я могу судить, сегодня он спокоен и расслаблен. Угрозы не чувствует. Но для нас лучше добавить к этому его состоянию толику испуга и недоумения. Будет потом говорливее.

– Проще надо быть, – послышалось в ответ. – Меня уже тошнит от твоих психологических изысков.

– Осторожнее, загонщик, – прищурился человек в светлом плаще, становясь вдруг заметно выше ростом и расправляя совсем не узкие плечи.

Долю секунды между ними висело почти физически ощутимое напряжение, затем коренастый сдался.

– Простите, Мастер, – склонился он в полупоклоне. – Я позволил себе на мгновение забыть.

– Не надо лести, Инкуб. Я еще не Мастер, и только от выполнения этого задания зависит, буду ли я им в будущем. И хватит на меня смотреть такими глазами. Я прекрасно знаю, что у тебя на уме. Но сегодня мы в одной лодке и нужны друг другу. Чуть поодаль, почти сливаясь с окружающей темнотой, стояли безмолвные фигуры других загонщиков из боевой пятерки Инкуба. По его сигналу они могли порвать долговязого парня на куски. Или хотя бы попытаться это сделать. Это внушало определенную уверенность.

– Я тоже знаю, что у тебя на уме, – буркнул коренастый. – Наслышаны, какие шутки среди вашей братии ходят про Свору. Но ты прав, дело сегодня у нас одно. Еще раз извини, и давай им займемся.

– Согласен, – примирительным тоном сказал парень. – Но не забывай, что нам предстоит еще заняться прочесыванием этого городка. Я тут всего сутки, а меня уже от него тошнит.

Через несколько минут в дверь квартиры Некрасова раздался настойчивый стук. Кнопки звонка на лестничной клетке не имелось, поскольку обычно гости пользовались домофоном и только после этого попадали в подъезд.

Классик отставил в сторону недопитый стакан с растаявшими до тонких пластинок кубиками льда. «Странно, – подумал он. – Кому неймется в ночь глухую? Сейчас узнаем».

Через дверной триплекс лестничная клетка была видна как на ладони. На ней нетерпеливо переступал кривыми ногами, обутыми в домашние тапочки, сосед с нижнего этажа – тихий психопат Горыныч, прозванный так за постоянно исходящий от него запах дешевой бормотухи. Как раз сейчас он судорожно сглотнул, попытался прислушаться к передвижениям за бронированной дверью и с новой силой забарабанил в нее хилым кулаком.

Некрасов накинул цепочку и приоткрыл дверь.

– Что угодно, сосед? Дело пытаешь или от дела лытаешь? – спокойно осведомился Классик. – Если деньги нужны на бутылку, то ступай себе с богом. Ты мне еще столярник не отдал.

– Да ты охренел, бля! – заорал Горыныч. – Ты мне щас не только столярник, бля, ты мне мильен столярников выкатишь!

Некрасов опешил. То, что от бывшего клиента психиатрической лечебницы, плотно сидящего на антидепрессантах, можно ожидать всякого, он был готов принять. Но уже очень давно он не слышал в свой адрес ни слова матом, тем более от такого отребья. Медленно закипая, он все же постарался сохранить лицо:

– Иди проспись. Утром я тебя навещу. Не успокоишься – завтра же тебя выселят из этого дома.

– Да, бля, нашелся тут, чекист сраный! – завопил во всю мощь своих легких Горыныч. – Сейчас тебе не тридцать седьмой год! Че ты меня, бля, пугаешь?! Залил всю квартиру горячей водой и наезжает еще!

Первая оторопь прошла, картина стала постепенно проясняться. Наверняка логовище мизантропа пострадало от потопа, и он кинулся защищать свое имущество. Вот только причиной катаклизма никак не мог служить водопровод Некрасова.

– Успокойся, Григорий Григорьевич, – сказал Некрасов, наконец-то вспомнив имя-отчество соседа. Его, как и всех остальных жителей подъезда, он в свое время проверил по оперативным учетам перед покупкой квартиры. – Это тебя кто-то другой подтапливает, у меня все чисто.

– Да не хера! – взвился Горыныч, после чего ухватился за край двери и дернул ее на себя. Рывок оказался настолько силен, что Некрасову на миг показалось, что кованая титановая цепочка не выдержит. После этого психопат приблизил лицо вплотную к узкой щели и, брызгая слюной, заорал: – Я уже всех обошел! Мне уже все свои нужники показали! Сухо там, бля! Один ты остался.

Любой нормальный мужик, тем более употребивший перед этим сто граммов качественного виски, повел бы себя адекватно. Например, достал с антресолей какую-нибудь тяжелую, желательнее стальную, загогулину или травматический пистолет, вышел на площадку и научил плохиша уму-разуму. Но Некрасов, прежде всего, являлся контрразведчиком, поэтому со вздохом сказал:

– Сейчас, Григорий, я тебе свой туалет покажу. И ванную тоже. Дай цепочку сниму.

Секунду они оценивающе смотрели друг на друга через щель между стеной и приоткрытой дверью. Натянутая цепочка была словно пограничная линия, разделявшая безумную ярость и смиренное спокойствие. Наконец, Горыныч разжал пальцы, и Некрасов немедленно потянул ручку на себя. Бронированная дверь встала в пазы коробки с легким хлопком, и тут же стоящий на лестничной площадке мужчина услышал, как пришли в действие мощные механизмы замков.

– Сука! – заорал он, хлопая по двери с неожиданной для тщедушного тела силой. – Я тебе щас пойду и все окна камнями повыбью! Выходи, падла!..

Продолжения угроз Некрасов не слушал. Шагнул к видеофону, по памяти набрал номер.

– Казимир Сергеевич? Добрый вечер, это подполковник Некрасов! ... Да, и тебе того же. Слушай, у меня под дверью чудака один беснуется... Нет, ментам не звонил. По-моему, дело нечисто. Я этого придурка несколько лет знаю. Он тихий обычно. А тут раздухарился, в квартиру рвется – не остановишь. И еще, что-то мне подсказывает, что он не один там стоит... Может, и ерунда, но вы же сами эти дурацкие инструкции нам под роспись доводили... Короче, под мою ответственность, пришли дежурную смену «спецов» – пусть повяжут хулигана, заодно и парням развлечение... Конечно! С меня стакан красного и пончик.

Некрасов положил трубку, прислушался. Удары в дверь слышались по-прежнему, хотя Горыныч явно сбавил обороты. «Странно, – подумал он, – что соседи до сих пор не вызвали милицию или муниципальную полицию. Народ какой-то пошел социально пассивный. Бывало, музыку после полуночи включишь – уже участковый стучится: „Непорядок, извольте прекратить!“ А тут такой концерт!»

Он прошел в комнату, допил оставшийся в бокале виски, отметил, что пальцы не дрожат, хотя внутри словно свернулась готовая сорваться пружина. Еще раз проанализировал, что же именно его насторожило в поведении Горыныча, и убедился, что подсознание посылало ему правильные сигналы. Пожалел, что в отличие от более молодых коллег не завел полезную привычку держать дома разрешенное законом огнестрельное оружие самообороны или служебный ПММ-2.

Ровно через пятнадцать минут домофон разразился причудливой трелью и на экране возник силуэт заместителя начальника отдела ВБ подполковника Бойко, едва узнаваемого в свете тусклого уличного фонаря. В своем черном кожаном плаще – излюбленной одежде сотрудников службы внутренней безопасности – он более всего походил на мрачного ссутулившегося грача-переростка. За его спиной маячили темные тени «спецов», ребят из отдела специальных мероприятий, облаченных в боевые кевларовые комбинезоны.

Коля облегченно вздохнул, чувствуя, как постепенно уходит охватившее его напряжение. Он нажал на кнопку разблокировки входной двери и, приблизив губы к динамику переговорного устройства, приветствовал коллегу:

– Здоров будь, Казимир! Быстро вы прискакали.

– Вечер. Дорога без пробок, – не глядя в экран, отозвался эсбэшник и сказал кому-то за спиной: – Вперед, парни, работаем. Только руки ему не сломайте, мне к ним потом датчики цеплять!

– Казимир, стой... – хотел предостеречь его Некрасов, но перед дверью уже никого не было – «спецы» вошли в подъезд, а следом за ними двинулся подполковник Бойко, как всегда собранный и уверенный в себе.

Некрасов прислушался. Какое-то время на лестнице ничего не происходило, затем раздались приглушенные крики, два или три хлопка. «Тазер-шокеры, – понял Классик. – Надеюсь, плохиш сходил в туалет перед тем, как решиться на подвиг. Тазер расслабляет похлеще пургена». Через минуту он уже открывал дверь квартиры подошедшим коллегам.

– Казимир???

– Взять его.

Домой, несмотря на понедельник, Ярослав вернулся около девятнадцати часов, что по его меркам было более чем вовремя. Сегодня Анна решила устроить ему небольшой семейный праздник, о чем с загадочным видом сообщила по видеofону. «Какой-то развеселый март в этом году получается», – подумал Ярослав, но спорить с женой не стал. Покупая цветы, перебрал в памяти все возможные поводы. Выходило, что сегодня или дата их первого поцелуя, или день, когда он сделал Анне предложение выйти за него замуж. Учитывая, что оба эти события состоялись примерно в одно и то же время, Ярослав предпочел отдать инициативу в руки жены.

Сюрпризы начались с самого порога. Анна встретила его в длинном шелковом халате, выгодно подчеркивавшем достоинства фигуры. Рыжие волосы с расчетливой небрежностью собраны в высокую прическу, открывавшую нежную линию шеи. Легкий вечерний макияж и аромат ее любимых духов завершал образ.

– О прекраснейшая! Позволь преподнести тебе эти цветы. Их прелесть меркнет перед твоей ослепительной красотой! – сориентировался в ситуации Ярослав. – Дозволь только переодеться, и я заключу тебя в страстные, жгучие, нежные, горячие и пылкие объятия!

– Предложение принимается, любимый. Вот только жгучие, горячие и пылкие – это синонимы. Но все равно заманчиво.

– Зато они отражают внутренний огонь, бушующий в моей груди! – с придыханием заявил Ярослав, все еще гадая, какой же сегодня повод для праздника.

Загадка открылась только после того, как он принял душ и переделался в легкие льняные шаровары и свободную белую футболку. За это время Анюта совершила над накрытым в гостиной столом последние манипуляции и зажгла свечи.

– Можешь меня поздравить! – заявила она, пока он наполнял белым вином высокие бокалы, и сделала паузу. Ярославу ничего не оставалось, как поинтересоваться, с чем именно. Анна протянула руку и достала с полки стоящего рядом журнального столика открытку.

– Подтверждение из ВАК о том, что меня утвердили как кандидата!

Ярослав бегло просмотрел короткий текст и поднял бокал.

– Ура! Наша педагогическая наука наконец-то выйдет из коллапса! В ее ряды, словно свежий северный ветер в пустыню, ворвался кандидат наук Рязанцева! За тебя, дорогая!

– Только на моей работе такие слова не вздумай повторить, – улыбнулась Анна.

Они пригубили вино. Сегодня стол оказался богат морепродуктами, обожаемыми Ярославом. За легкой беседой и глотками вина он отдал должное суши из семги и осьминога, стараясь не злоупотреблять в этот раз васаби. Анна, предпочитавшая жареных креветок и роллы, терпеть не могла запаха этой острой японской приправы, так же как и сырую рыбу во всех ее видах.

Усталость, накопившаяся за прошедший день, постепенно уходила. Ярослав поймал себя на мысли, что старые чекисты, говорившие: «контрразведчик должен работать 25 часов в сутки», были не правы. Работа должна оставаться за порогом дома, где себя следует полностью отдавать любимой семье или, если ее нет, любимому хобби.

– Да, кстати, – как бы между прочим сообщила Анна после очередного тоста. – Теперь нам ничто не мешает завести ребенка. Как считаешь, любимый?

– Обсудим это в постели? – задал встречный вопрос Ярослав, демонстративно разглядывая глубокое декольте жены.

И тут, как в плохом кино, раздался звонок видеодфона.

– Говорить, чтобы ты к нему не подходил, бессмысленно? – недовольно спросила Анюта.

Ярослав всем своим видом показал, как ему жаль нарушать волшебство момента, и направился в коридор.

На цветном экране недавно купленного видеодфона виднелась часть квартиры Лехи Кочевника: стена с однотонными светло-желтыми обоями, на которой размещались несколько полок с книгами и небольшой гобелен с изображением Гуатамы Шакьямуни-до-Просветления в воинском облачении. Обычно Алексей, в силу свойственной ему деликатности, избегал беспокоить друзей в вечернее время без очень серьезного повода. Слегка удивленный Ярослав нажал на кнопку приема вызова. Тут же на экране возник и сам Кочевник, появившийся откуда-то слева. Достаточно привлекательное, с едва заметными монголоидными чертами лицо Алексея выдавало смятение и внутреннее напряжение. Ярослав мгновенно снял эмоциональный фон друга, взглянув ему в глаза.

– Ни хао! – поздоровался он на языке Поднебесной. – Как успехи в постижении Великого Пути, о брат мой Алексей Ибн-Алим?

– Извини, что побеспокоил, – сказал Кочевник, нервно проводя ладонью по ежику коротко стриженных волос. – Просто очень надо с кем-то поговорить. Не против?

– Что случилось?

Леха пристально посмотрел на него через экран и, преодолев внутреннее сопротивление, спросил:

– Ярый, ты ничего необычного не ощущаешь в последние несколько дней?.. Нет? Странно. Ты же знаешь, как я отношусь к предчувствиям?

Конечно, Ярослав знал, как именно Алексей относится к предчувствиям. Кочевнику довелось родиться в столице Бурятии, и он с гордостью заявлял о принадлежности к коренному народу этой республики, хотя в паспорте значилось «русский». На самом пике наступившего на тридцатилетнем рубеже «кризиса среднего возраста» он, пережив развод с очередной женой, принялся искать смысл жизни. В этом деле большим подспорьем для Алексея стал буддизм, к коему он, по его словам, испытывал неосознанное уважение. Духовные искания привели его в дацан, расположенный в окрестностях бурятского села с труднопроизносимым названием. Через два года Алексей вернулся в Великоамурск. Сказать с уверенностью, что буддийские мудрецы помогли убить всех тараканов в его голове, было нельзя. Тем не менее в чем-то Алексей определенно изменился. Одним из свойств, приобретенных им в дацане, стала способность к глубокому самоанализу. Теперь, например, он мог по полочкам разложить, для чего и почему он сделал то или иное недоброе дело. Илья однажды заметил ему, что если уже сделал человеку гадость, то потом, если очень припечет, лучше просто попросить прощения, чем долго и нудно объяснять ему, как это все получилось и какие душевные порывы тобой двигали.

А еще Алексей начал чувствовать грозящую опасность задолго до ее появления. И это все признавали. Примеров данного феномена имелось достаточно. Лично Ярослава он предостерег от нескольких шагов и поступков. Надо сказать, весьма своевременно предостерег, иначе все могло завершиться достаточно плачевно. Поэтому – да, он доверял интуиции Кочевника.

– Говори, Леха, не тяни, – попросил Ярослав. – Хватит жути нагонять.

– Я сегодня медитировал, – очень серьезно сообщил Кочевник. – Точнее, попытался. Представляешь, не могу сосредоточиться. Только начинаю расслабляться, настраиваюсь, как что-то происходит. Как будто меня из воды какая-то сила на поверхность поднимает. Никогда такого не было.

– Ты с утра пива не пил? – вполне серьезно спросил Ярослав. – А то мы вчера, я помню, неплохо Масленицу отметили. Читал я в умной книжке, что буддистам очень вредно пиво до обеда пить.

– Нет. Проснулся как огурчик, пробежку до реки и обратно по холодку сделал. Дело не в этом. Понимаешь, боюсь я в транс погружаться, вот сам себя туда и не пускаю. Как будто ждет меня там кто-то или что-то. И веришь, встречаться с этим нечто я вообще не хочу!

– О! – удивленно приподнял брови Ярослав и почесал кончик носа. В вопросах медитации он был не силен, но подшучивать над Алексеем на этот раз поостерегся.

– Привет, Леха! – подошедшая Анюта поздоровалась, не показываясь в экране. – Как жизнь в целом?

– Привет, красавица! Жизнь бьет ключом, гаечным, и по морде в основном. Че у вас новенького?

– Ярик не сказал? – она толкнула мужа локтем в бок. – Мне подтверждение из ВАК пришло на кандидата. Принимаю поздравления.

– Поздравляю! От всей души. А что такое ВАК? Всемирная ассоциация коллаборационистов? Наверное, почетно быть кандидатом в коллаборационисты...

Анна засмеялась и на миг появилась в экране видеофона.

– Темный ты, Леша, человек. Одно слово – кочевник! ВАК – это высшая аттестационная комиссия.

– Сгинь с глаз моих, прекрасное видение! Ярый, одень жену в паранджу. Ну ладно, сладкие мои, не стану вас отвлекать друг от друга. Успехов!

– Леха, погоди, – сказал Ярослав. – Я, в принципе, понял твою проблему. Хочешь совет? Выбрось все из головы и постарайся уснуть. Утро вечера мудренее. Завтра встретимся, поговорим. О'кей?

– Думаешь, это поможет? – сказал Кочевник, с сомнением покачав коротко стриженной головой, и экран погас.

Анна взяла мужа за руку и потянула в спальню, но он мягко освободился и привлек ее к себе. Обнял, вдохнул родной запах волос. На душе было беспокойно. Не тревожно, а как-то муторно. Слова, а самое главное, вид Алексея, поселили в нем ростки чего-то, что пока не имело названия. Предчувствие? Ожидание?

Почувствовав, что настроение мужа изменилось, Анна заглянула ему в глаза.

– Что случилось? У Леши неприятности?

– Вроде того.

Ярослав вкратце пересказал суть разговора и пояснил:

– Понимаешь, он никогда не мог почувствовать опасность, направленную непосредственно на него. Зато всегда отводил ее от своих друзей. Я тебе не рассказывал про последний выезд Леши на малую родину? Это было занятно...

Алексея прозвали Кочевником именно за его периодические миграции по святым для буддистов местам. То он вдруг срывался и, бросив все, мчался в Индию поклониться какой-то древней статуе, найденной в джунглях. То месяцами скитался из дацана в дацан в Тибете, Бурятии или Монголии. После очередной поездки, случившейся в прошлом году, он вернулся особенно одухотворенным.

– Я все про себя понял! – заявил он, вернувшись домой и поднимая чарку в узком кругу близких друзей.

– Да неужели? – изумился Дима Большой, украдкой подмигивая ребятам. – Может, и нам стоит съездить к твоим монахам за умом-разумом?

– К Богу приходят не экскурсии с гидом, а одинокие путешественники, – ответил Леха и пояснил: – Это не мои слова, а Владимира Набокова.

– Да уж, тот парень, что «Лолиту» написал, мужик очень богобоязненный. Боговед и боголюб.

– Не ерничай, президент, а лучше послушай.

Леха рассказал, как он несколько дней доставал одного старого настоятеля своими вопросами о смысле жизни. Наконец, они присели под статуей Будды, и старец спросил:

– Скажи, человек, у тебя семья есть?

– Нет. Два раза был женат. И дважды не смог дать женщинам того, что они от меня хотели.

– А дети у тебя есть?

– Дочь от первой жены, но она называет отцом другого мужчину.

– А имущество у тебя есть? Хочешь его умножить? – немного подумав, спросил старый монах.

– Имелась у меня собственная строительная фирмочка. Надоело. Продал я ее.

Тут старец задумался надолго, затем почти безнадежно спросил, ожидая ответа, похожего на предыдущие:

– А друзья? Хоть они у тебя есть?

На этот вопрос Леха ответил утвердительно. Долго настоятель расспрашивал его о природе дружбы, об отношении его к предательству и долгу, затем вынес вердикт:

– Ступай себе, парень. Друзья давно тебя ждут обратно. Они и есть твой смысл жизни...

Анна грустно улыбнулась. Помолчала, потом сказала:

– Да, в этом весь Леша. Друзья для него – все.

Кочевник еще несколько секунд бездумно смотрел в темный экран видеофона, затем набрал номер Димы Большого. Ответил его старший сын. Президент «Святогора», в обычной жизни актер краевого театра драмы, сегодня вечером участвовал в генеральном прогоне спектакля. Алексей смутно помнил, что президент обещал всем «старикам» контрамарки на премьеру, намеченную на ближайшие выходные.

– Ну а после сдачи спектакля, дядя Леша, они, как обычно, пойдут в клуб «Чайка» – отмечать.

– Угу. Понятно теперь, почему у него мобильник отключен. Репетирует, значит. Если батя рано вернется, передай, пусть мне перезвонит. Я дома буду.

– Добро, – скопировав манеру отца, односложно ответил подросток и отключил видеофон.

Алексей прошел в комнату.

– Страх можно победить, только заглянув ему в глаза, – произнес он. Затем зажег вторую за сегодняшний вечер ароматическую палочку и, погасив верхний свет, сел на циновку в центре комнаты.

Несколько несложных дыхательных упражнений помогли настроиться на нужную волну и расслабить тело. От лишних мыслей и эмоций очиститься оказалось сложнее, и требуемое состояние пришло только после того, как Алексей прочитал одну за другой пять классических мантр, способных даже закоренелого невротика погрузить в глубокую медитацию.

А вслед за этим пришло состояние, описанное им Ярославом. Возникшая внутри него темная пелена поднялась и накрыла сознание, словно живое шевелящееся одеяло. Кончики пальцев, нос и уши похолодели, и если бы он мог видеть себя со стороны, то заметил бы их странную бледность. Где-то в глубине его существа начал зарождаться знакомый страх. Но в этот раз Алексей не обратил на него внимания. Расслабился до полного растворения сознания и, как будто перед поединком с неведомым соперником, шагнул в неизвестность.

И страх наконец заполучил свою жертву. Впился в него когтями, щупальцами, лапами и жвалами. Ласково прошептал: «Ты мой!»

А затем Алексей увидел...

По земле стлался густой, словно взбитые сливки, туман. Прямо над головой повис тусклый полумесяц умирающей луны. Ее света едва хватало, чтобы разогнать холодный мрак. В безвкусном сухом воздухе острая вонь горящей плоти воспринималась однозначно. Спутать ее с чем-либо другим было невозможно. Где-то позади еще слышались предсмертные крики отставших, и их нечеловеческий вой только добавлял Кочевнику сил, делая ноги по-юношески проворными. Он уверенно двигался сквозь туман, цеплявшийся за него с упорством ненасытной любовницы. Иногда, когда под сапогами оказывался вдруг неглубокий овражек, он уходил под молочно-белую пелену с головой. Только один раз во время такого нырка Алексей позволил себе оглянуться и больше уже этого не делал. Тени преследователей, искаженные туманом, казались ближе, чем на самом деле. Их дыхание, опалившее его лицо даже на расстоянии, лишало воли. Призрачные руки с неестественно длинными пальцами разгоняли белые хлопья и, казалось, вытягивали из него жизненные силы.

«Бежать, бежать! – стучало в висках. – Хер я вам дамся так просто, гады!»

Внезапно в лицо ударил злой колючий ветер. Леха даже запнулся на секунду и зажмурил глаза. Тут же почувствовал, как преследователи придвинулись ближе. Левая ступня запнулась о кочку, и для того чтобы не упасть плашмя, он вынужден был сгруппировать тело и перекачаться вперед в стремительном кувырке. Вскочил на ноги, рванул вперед из последних сил и с отчаянием понял, что проигрывает гонку. Но тело не сдавалось, тело хотело жить. Откуда-

то пришли новые силы, Кочевник вдруг понял, что он не просто бежит, а делает огромные длинные скачки, словно гигантский двуногий леопард. Дикая, первобытная радость наполнила Алексея, запузырилась шампанским в артериях. «Уйду, теперь точно уйду!» – появившаяся робкая мысль прочно засела в мозгу и с каждым прыжком обретала силу аксиомы.

Бах! – с силой ударился он о ствол выросшего из тумана дерева. Что-то хрустнуло в плече, правую щеку как будто обожгло наждаком, в голове загудело. Кочевник с трудом сделал еще несколько шагов и упал на колени. Силы внезапно иссякли. Он прижал ладони к глазам и завыл, как волк, загнанный в яму безжалостными охотниками. Проходила секунда за секундой, но он все еще оставался жив. Ощущение злого голодного взгляда, буравившего спину все это время, исчезло. Алексей заставил себя отнять ладони от лица, они были мокрыми от крови и пота.

Туман пропал. И врагов поблизости тоже не наблюдалось. «Это все ветер! – отстраненно подумал Кочевник. – Это он разогнал их». Встать удалось с трудом, ноги не слушались, во всем теле осела тупая ноющая боль. Осмотрелся. До самого горизонта простиралась степь, и на ее пространстве, словно в насмешку, возвышалось одно-единственное дерево. То самое, превратившее в лохмотья его правую щеку.

А далеко за спиной остались друзья. Они уже не кричали.

В этот же самый момент в огромной комнате с наглухо зашторенными окнами загорелся еще один из спящих до этого камней. Его бледно-изумрудный ровный цвет присоединился к маленькой желтой звездочке и холодно мерцающему осколку льда.

– Зеленый – это значит выбор, – улыбнулся расположившийся за столом человек. – Что же ты предпочтешь, когда придет время его сделать, будущий Мастер?

Сидящий в позе лотоса на жесткой циновке мужчина тоже пытался получить ответ на этот вопрос, хотя пока и не понимал, что именно хочет вызнать у своего истерзанного подсознания.

Глава 4. Вторник

Уже подходя к Управлению, Ярослав почувствовал неладное. Какое-то смутное беспокойство росло в нем с каждым шагом, а когда он ступил в просторный вестибюль, неосознанные ощущения переросли в уверенность, что день будет полон нехороших сюрпризов. Приставленный к «вертушке» дежурный прапорщик сегодня был официален до приторности. По столбальной шкале уровень его бдительности смело тянул на сто с плюсом. Естественно. Ведь не каждый день за спиной прохаживается офицер отдела внутренней безопасности, а поодаль маячат фигуры двух «спецов» в облегченной боевой выкладке. Ярослав предъявил удостоверение и подошел к вэбэшнику, баюкавшему в руках планшет со списком фамилий.

– Привет, Олег! Что случилось? Опять какая-то шишка решила почтить присутствием?

– Доброе утро, Ярослав Владимирович! – не очень приветливо отозвался тот. – Ты же из второго Отдела?

– Ну?

– Покаяться не хочешь, пока возможность есть?

– Ни фиги себе! Каюсь. Вчера жажнул лишний стакан вина, – отрапортовал Ярослав, привычный к инквизиторским шуткам собеседника. Пять лет, проведенных в соседних комнатах общаги академии, давали право на некоторую долю юмора в отношениях с Олегом. Вэбэшник, не поддержав шутки, долгим внимательным взглядом посмотрел ему в лицо и пожал плечами, как бы говоря: «Мое дело предложить, а решать тебе». Как меняются люди, прослужив с пяток лет под крылом Папаши Мюллера! А ведь еще свежи в памяти веселые пивные попойки на заре оперской юности, до того как Олег перевелся в подразделение ВБ. Профессиональная трансформация в ее классической форме. Ярослав хмыкнул и повернулся, чтобы уйти.

– Ярослав Владимирович, – донеслось из-за спины. – Перед тем как подниматься к себе, спуститесь на цокольный этаж. Стандартная процедура, ничего особенного.

Рязанцев, ничего не ответив, проследовал мимо «спецов», проводивших его настороженными взглядами, ощущавшимися даже сквозь затемненные забрала металлопластиковых «сфер».

На этаже, занимаемом отделом внутренней безопасности, сегодня было как-то непривычно многолюдно. В холле прохаживались несколько коллег Ярослава, пребывавших в таком же, как и он, недоумении.

– Ну и как это понимать? – поинтересовался он у направленного Жоры Немирова. Тот стоял чуть в стороне от остальных и со скучающим видом обламывал иголки с унылого кактуса, растущего в не по размеру огромной кадучке.

– Внеплановая промывка мозгов, – пояснил опытный Жора, который на три года дольше, чем Ярослав, работал в «аппарате». – Ты еще ни разу не попадал? Приятного мало, зато потом чувствуешь себя как после исповеди, чистым, аки агнец... О! Моя очередь подошла. Ай! л би бэк, камрады!

Он нанес ногтями еще одну рану кактусу и, с сожалением прекратив терзать несчастное растение, направился к черной двери без номера. Из-за нее, озираясь вокруг ошалевшими глазами, выходил очередной сотрудник Отдела.

На другом конце коридора показались две фигуры. Полковник Жук внимательно слушал неторопливо шагающего рядом с ним начальника отдела ВБ, лысоватого, крепко сбитого мужчину. Практически все в Управлении, включая непосредственных подчиненных, «за глаза» называли его Папашей Мюллером из-за сходства с персонажем бессмертного советского блокбастера и, конечно, за род деятельности. Номинально он подчинялся начальнику Управления, но в оперативном плане замыкался на Питер.

Любой опер знает разницу между понятиями «казаться» и «быть».

Вот, например, шагает некто солнечным утром по пешеходной дорожке. Видит: благообразный пенсионер кормит и без того жирных голубей крошками белого хлеба. «Какой славный, сентиментальный дедушка!» – подумает прохожий и пойдет себе дальше. Но это ему только так показалось, про дедушку. Если он остановится и обернется шагов через десять, то сможет увидеть, как старичок целеустремленно лупит доверчивых тупых птиц своей длинной черной тростью. Может быть, конечно, борется с эпидемией «птичьего гриппа», но не исключено, что добывает себе ужин. И теперь он для прохожего уже не славный и совсем не сентиментальный, а вовсе даже жестокий и мерзкий старикан. Но и это не есть правда в последней инстанции. Как посмотреть, в общем.

Так вот, в случае с начальником отдела Внутренней Безопасности иллюзии отпадали при первом взгляде на него. Он и казался, и был очень-очень опасным человеком и серьезным профессионалом, чувшим измену и коррупцию, словно акула запах крови в чистой воде. К такому голуби по доброй воле слетаться не станут.

Постепенно замедлив шаги, оба начальника остановились в географическом центре коридора, обменялись несколькими фразами и разошлись. Папаша Мюллер нырнул за одну из дверей, а Шеф направился к своим сотрудникам.

– Здравствуйтесь, гвардейцы, – без улыбки поздоровался полковник Жук, подходя к первой кучке обеспокоенных происходящим коллег.

«Гвардейцы» встрепенулись в надежде узнать причину переполоха, но начальник уже прошел мимо.

Шеф выглядел расстроенным, и даже безупречно отутюженный костюм сидел на нем сегодня как-то непривычно. Начальник второго Отдела шел, ссутулившись и засунув правую руку глубоко в карман брюк, чего обычно себе не позволял. Поравнявшись с Ярославом, он поднял голову и взглянул на него через тонкие стекла очков так, как будто первый раз в жизни увидел. Рязанцеву стало неуютно под этим холодным изучающим взглядом, он даже не успел первым поприветствовать начальника.

– Доброе утро, Ярослав, – поздоровался Шеф.

– Здравия желаю, Игорь Николаевич, – в меру бодро отчеканил Ярослав, пожимая крепкую ладонь Князя Игоря.

– Ты вчера с Некрасовым после работы не общался?

– Нет, – растерялся Рязанцев. – А что случилось?

– Узнаешь скоро. Как закончишь здесь... – Шеф покрутил растопыренными пальцами у виска. – Пять минут на приведение себя в порядок, и жду в своем кабинете.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и, не глядя ни на кого, направился к лестнице, ведущей на первый этаж. Ярослав отметил, что плечи Шеф уже не ссутулит.

Когда пришла его очередь посетить кабинет «мозговедов», как в Управлении прозвали сотрудников отдела ВБ, ведающих хитрыми секретами обращения с гипнографом нового поколения, Ярослав постарался максимально расслабиться. Он не чувствовал за собой никакой вины, верил в объективность электронного «детектора лжи», но все равно испытывал подсознательный протест против подобных методов проверки собственной благонадежности.

Помещение за черной дверью было довольно просторным. За непрозрачной ширмой скрывались громоздкие приборы. Пол покрывал толстый темно-зеленый ковролин. Освещение ненавязчивое, расслабляющее. Для создания дополнительного ощущения уюта и безопасности в напольных кадках, расставленных вдоль стен, росли карликовые деревья. Центральную часть кабинета занимало удобное кресло с регулируемой спинкой, напоминающее о кабинете стоматолога. Вот только подлокотники и подставки для ног оказались снабжены крепкими зажимами для удержания конечностей испытуемых. Иногда, по слухам, «мозговеды» пускали их в ход. Но сегодня необходимости в них не возникло, все совершалось по обоюдному согласию и из любви к истине.

Рязанцева встретили две симпатичные ухоженные дамочки средних лет в белых врачебных халатах. Их приветливый вид мог обмануть кого угодно, кроме коллег. Ярослав знал, что начиная с первого его шага по ковролину покрашенные глазки «мозговедов» уже снимали с него показания не хуже, чем их хваленый прибор.

– Вам удобно? – спросила одна из женщин, когда Ярослав устроился в кресле. Получив утвердительный кивок, она провела короткий формальный инструктаж:

– Вы проходите процедуру не впервые. Тем не менее я обязана напомнить основные моменты предстоящего исследования вашей личности. Итак, в течение следующих нескольких минут вам будет задан ряд вопросов. Условно их можно разбить на несколько групп. Отдельные из них нужны только для того, чтобы проверить степень вашей концентрации в процессе исследования. Определенные вопросы могут показаться странными, но так и должно быть. Ведь они такими и являются. Да, кстати! Иногда они будут повторяться в той или иной последовательности и интерпретации. Не старайтесь запомнить свои ответы, а попытайтесь просто говорить правду. От вас потребуется отвечать только «да» или «нет» в зависимости от личной убежденности. Отсутствие ответа расценивается машиной как отрицательный ответ, имейте это в виду. Обмануть гипнограф невозможно, и вы это знаете. Попытки задерживать дыхание, шевелить пальцами ног и прикусывать язык ни к чему не приведут. Компьютер обрабатывает совокупность информации, поступающей одновременно со всех датчиков, в результате чего любые помехи однозначно нивелируются. В памяти машины находятся данные предыдущих тестов, и они, конечно, тоже будут подвергнуты анализу при составлении конечного вывода.

– Прошу прощения, – вмешался Ярослав. – Мне интересно, а если я, например, недавно пережил сильное потрясение, изменившее мои взгляды на жизнь, или нахожусь в состоянии дикого похмелья и мне не мил белый свет. Я же, по мнению гипнографа, буду совсем другим человеком?

– Это несущественно, – улыбнулась женщина. – Машина оценивает только правдивость ваших ответов на поставленные вопросы. Но человек так устроен, что не может говорить всегда одну только правду. Возможно, на те или иные неприятные вопросы вы будете бессознательно врать. Это нормально. Зато машина сможет сделать сравнительный анализ степени вашей правдивости за все проверки, прошедшие с начала вашей службы. Занятно, да?

– Да уж.

– Тогда начнем, пожалуй, – она кивнула своей помощнице, и та ловко опутала Ярослава сетью тонких проводов.

– Последний штрих, – заговорщицки сообщила она и придвинула к лицу Ярослава небольшой экран на суставчатом держателе. – В процессе всего исследования постарайтесь смотреть сюда. Можете моргать, но не закрывайте глаза более чем на три секунды, ладно?

«Конечно, ладно! Некоторым моргучим голову в специальный каркас зажимают, а веки крохотными, но цепкими распорками фиксируют. Если верить молве, конечно...»

– Разве вам откажешь, – буркнул Ярослав.

– Ну что, готовы? Елена Сергеевна, включайте машину.

В рабочем кабинете полковника Жука властвовал полумрак. Тяжелые шторы были опущены, и дневной свет проникал в помещение только через узкую щель между ними. Робкий лучик протянулся от окна к массивному столу, упал на несколько листов бумаги и рассыпанные фотографии. На стене глухо тикали антикварные часы с символикой КГБ, и никакие звуки более не нарушали тишину.

Хозяин кабинета неподвижно сидел в своем огромном кресле: локти на подлокотниках, подбородок упирается в сплетенные кисти рук. Глаза его были закрыты, дыхание ровное и едва

заметное. Казалось, он спит. На самом деле Князь Игорь решал одну очень нелегкую задачку. Тик-так-тик-так – угрюмо отсчитывали мгновения старинные настенные часы, – до очередной вехи осталось несколько минут. Наконец он глубоко вздохнул и открыл ясные холодные глаза. Пальцы безошибочно нашли в темноте легкие щегольские очки и водрузили их на законное место. Полковник Жук медленно встал, отдернул шторы и распахнул одну оконную секцию. В кабинет поспешно и радостно хлынули солнечный свет, запах весны и сопутствующие звуки. Где-то недалеко взвизгнула тормозами машина, слышались голоса людей. Жизнь продолжалась.

Начальник второго Отдела вернулся к столу, помешал ложечкой остывший зеленый чай и отпил маленький глоток. С минуты на минуту должен был явиться подчиненный. Князь Игорь еще раз прокрутил в голове составленный план беседы и пришел к выводу, что ничего не упустил. В дверь постучали, на пороге возник майор Рязанцев:

– Разрешите, господин полковник?

– Проходите, Ярослав Владимирович, присаживайтесь.

Ярослав прошел к столу и, уже опускаясь в предложенное кресло, бросил взгляд на бумаги, оставленные Шефом на виду. В горле моментально пересохло. На фотографиях, небрежно брошенных поверх копии заключения судебно-медицинской экспертизы, был изображен Коля Некрасов. Судя по всему, снимки делали в его квартире. Классик, одетый в спортивный костюм, висел под самым потолком комнаты. Тонкий, но, по-видимому, достаточно прочный капроновый шнур был закреплен за крюк для люстры. Остальные фотографии оказались сделаны с других ракурсов и расстояний. На одной из них крупным планом – лицо. Спокойное и умиротворенное, если бы не свисающий изо рта синий язык.

– В Управлении про это пока знает очень узкий круг людей, – не дожидаясь вопросов, сообщил Жук. – Ребята из ВБ носом землю роют. Папаша Мюллер всех на уши поставил.

– Я не верю, что Классик сам повесился, – глухо сказал Ярослав.

– Никто не верит, поэтому и кинулись по горячему следу. Как тебе понравился набор вопросов у «мозговедов»? – Шеф перешел на «ты», показав, что дальнейший разговор пройдет в неофициальном русле.

– Я было грешным делом подумал, что Некрасова в предательстве подозревают, – ответил Ярослав, – или вычисляют, кто у него документ какой-нибудь похитил. Вышел от них, потом еще с ребятами посмеялись над ситуацией. Классик же у нас чистый, как хрусталь. Был. Бред какой-то!

– Пускай пока так и думают. Папаша Мюллер просил еще три часа инфу о смерти сотрудника не разглашать. Он сейчас всех подозревает, работа такая. Даже своего заместителя Казимира Бойко через гипнограф прогнал. Оказывается, Классик ему ночью звонил, жаловался на какого-то психа, якобы ломившегося в квартиру. Казимир направил туда трех «спецов». Ребята приехали, дверь заперта, никто не отвечает. Отзвонились Бойко. Казимир понял, что дело неладно, рванул в Управление, взял дубликаты ключей от квартиры Некрасова. Когда они наконец открыли дверь, Коля уже успел остыть. В квартире, кстати, следов борьбы не зафиксировано. Пробежались по соседям: никто не слышал никакого шума, никаких криков. Зато в комнате пустая бутылка вискаря и следы кокаина на столике. Странно, ты не находишь?

– Игорь Владимирович, – посмотрев через стол в глаза начальника, спросил Ярослав, – а зачем вы мне это рассказываете?

– Ты знаешь, какой линией занимался Некрасов последние годы? – вопросом на вопрос ответил Князь Игорь.

– Разрабатывал и курировал активные контрразведывательные мероприятия, – достаточно уверенно ответил Ярослав и уточнил: – Вот только какие именно, я не знаю.

– Да, конечно. Режим секретности у нас на высоте, – рассеянно согласился начальник. – На том стояла и стоять будет российская контрразведка. А что тебе известно про «Объект С»?

Ярослав быстро перебрал в голове все возникшие ассоциации и ответил:

– Ничего, за исключением того, что этот вопрос мне сегодня уже задавали «мозговеды».

– Мы к нему еще вернемся, – пообещал Князь Игорь. – А пока скажи мне, кого мог впустить к себе в квартиру Классик в вечернее время? Находясь, судя по всему, под кайфом и только что позвонив сотруднику ВБ?

– Только кого-то, кого знал лично.

– В точку.

– А если гипотетически предположить, что Некрасов, испытав приступ «мании преследования», вызвал Бойко? Потом внезапно испугался, что откроется его пристрастие к наркотикам, и покончил с собой?

– Ерунда, – отмахнулся Жук. – Запись разговора по видеofону между ним и Бойко уже отсмотрели эксперты. Он не был в состоянии наркотического опьянения. Ну, может, употребил пятьдесят – сто грамм виски. А вскрытие показало, что в крови у него содержалась такая доза морфинов, что хватило бы на троих. Вызывать «спецов», затем обнюхаться до состояния невменяемости и полезть в петлю он не мог. С такой порцией отравы в крови он валялся бы в отключке до следующего полудня или умер от передозировки.

Полковник Жук внимательно посмотрел на подчиненного и снял очки. Протирая стекла небольшим бархатным платком, он выждал небольшую паузу, давая возможность Ярославу обдумать всю свалившуюся на него информацию.

– Значит, все-таки убийство, – подытожил Ярослав.

– Да. И совершенное вопреки законам логики.

– Мистика какая-то!

– Ты сам это сказал, – произнес полковник Жук, возвращая очки на их обычное место. – А теперь вернемся к «Объекту С».

Внутренности кабинета, никогда не видевшие дневного света, озарились теперь только отсветами пламени открытого камина. Хранитель Дома сидел неподвижно в своем кресле, и тени, рожденные игрой огня, неузнаваемо меняли его лицо. Оно как будто плавилось, текло, и неизменными на нем оставались только черные непроницаемые очки. Кроме Гранд-Мастера в помещении никого не было. Бруно уехал несколько часов назад. Секретарь и верный алабай находились вне Дома – совершали обход внутреннего двора. Они знали, что в такое время беспокоить хозяина нельзя.

Гранд-Мастер поднялся и медленно, словно раздумывая о каждом шаге, направился к дальней стене кабинета. Набрал комбинацию цифр и символов на вмонтированной в стену панели, и через небольшой промежуток времени перед ним возник прямоугольник открытого дверного проема. Лицо омыл сухой и пахнущий пылью воздух. Привычно нащупав ногой первую ступеньку уходящей вниз узкой лесенки, он начал долгий спуск к временному пристанищу Хозяина, где тот находился уже много сотен лет.

Тьма окружила Гранд-Мастера почти сразу же, как он сделал первый шаг, но слепцу и не нужен был свет для того, чтобы идти к цели. Он проделывал этот путь столько раз, что мог с уверенностью назвать количество щербинок на каждой ступени. Пять пролетов по пять ступеней каждый. Долгий путь для его искалеченного тела. Наконец нога ступила на песчаный пол подземелья. Рука Хранителя Дома нащупала последнюю преграду – двустворчатую дверь перед входом к Хозяину, – толкнула ее. Невидимые створки бесшумно разошлись в стороны, и он шагнул вперед. Память подсказала, что именно он мог бы увидеть, имей глаза. Посреди небольшого круглого зала возвышался прямоугольный, грубо обработанный валун, испещренный вязью причудливых символов. В них можно было угадать и намек на челове-

ческие лица, и цветочные орнаменты, и схематические изображения животных. Большинство рисунков выглядели так, как будто их сделала детская рука, но попадались и достаточно художественные картинки, объединенные единой сюжетной линией.

На валуне лежал огромный, не меньше двух метров в диаметре, шар, напоминающий кокон тутового шелкопряда. Поверхность его казалась теплой на ощупь, и когда Гранд-Мастер коснулся ее кончиками пальцев, слегка подалась навстречу человеку.

– Здравствуй, отец. Извини, что я давно не заходил к тебе, – прошептал Хранитель Дома, соприкоснувшись лбом с мягким теплом, исходящим от кокона. – Просто у меня не было хороших новостей, чтобы порадовать тебя. Не знаю, слышишь ли ты меня...

Раньше он приходил в подземелье достаточно часто. Где-то раз в десятилетие. Вместе с ним по лестнице спускался один из Мастеров, после чего на холодном камне появлялся очередной рисунок, а Самум выносил наверх труп того, кто своей энергией и дыханием поддерживал тлеющий уголек жизни Хозяина. Но полстолетия назад очередная жертва оказалась отвергнута. Гранд-Мастер не поверил в случившееся и повторил попытку. И только после пятой или шестой неудачи он понял, что не осталось больше на свете Мастеров, желающих добровольно отдать свое Имя Хозяину, а иной жертвы он не принимал. Для этого нужна была вера, а молодые поколения забыли о силе и могуществе отца. Верные нюхачи (а их тоже осталось не много) искали Мастеров, способных на осознанное самопожертвование, и не находили их среди живущих. Сила или хитрость в этом вопросе не играли никакой роли потому, что перед входом в подземелье Гранд-Мастер обязан был объяснить гостю, что с ним будет дальше.

Хранитель Дома окончательно признал и смирился с мыслью, что отец не сможет больше питаться чужой силой. Он пытался поделиться с ним частью своей энергии, но как только он открылся перед Хозяином, то почувствовал его всепожирающий голод. Существо в коконе было все равно, кто перед ним, он мог в секунды выпить Гранд-Мастера до дна, как путник в пустыне, нашедший вдруг запотевший стакан с ледяной водой. Виною всему время. До ближайшего перехода его оставалось слишком мало.

– Я сделаю все, что смогу, – прошептал он непослушными губами, и внезапно в его сознании словно распахнулась дверь. Он совершенно отчетливо почувствовал, как отец разглядывает его из глубины кокона. Этого, конечно, не могло быть, но ощущение пронизывающего взгляда становилось все сильнее. Потом пришли чужие мысли. Несмотря на сумбур воющего голода и нетерпеливого ожидания, одна из них оформилась достаточно четко: «Приведи мне Изгоя, сын! Ви-Гелл, притащи его ко мне!!!»

– Отец! Отец! Я... – захлебываясь от спешки, почти прокричал Гранд-Мастер, собираясь сообщить, как он старается для него, сколько усилий стоит поддерживать Дом и что Изгой, уже в течение трех столетий недоступный для загонщиков, так до сих пор и не обнаружен, и еще... Не успел. Контакт прервался так же неожиданно, как и начался.

Гранд-Мастер тяжело облокотился на испещренный рисунками камень. По щекам одна за другой скатились две крупные слезы. Одна из них прошла точно по руслу уродливого шрама и повисла на подбородке, задержалась на миг и бесшумно упала на древний валун.

– Теперь ты понял, что такое «Объект С»? – спросил полковник Жук.

– В общих чертах, Игорь Владимирович.

– То есть представляешь, с чем тебе предстоит столкнуться?

Озадаченный характером сообщенных ему сведений, Ярослав до сих пор пытался разобраться в своем к ним отношении. Напоминало детскую игру «верю – не верю». Все время казалось, что стоит твердо ответить Шефу: «Добро, верю», – он рассмеется и отвесит подчиненному победный щелбан. Но сомневаться в откровенности начальника не приходилось.

Перед ним на столе лежали три толстенных тома литерного дела. На обложке первого из них значилось: «Заведено 16 января

1928 года». А еще, по словам Жука, на компьютере Коли Не-

красова хранилось около ста терабайтов информации, касающейся только «Объекта С». Фотографии погибшего контрразведчика, сдвинутые на край стола, постоянно притягивали к себе взгляд Ярослава. Приходилось верить. Или не верить? Поэтому на предыдущий вопрос начальника Ярослав неопределенно пожал плечами.

– Ну, ничего, разберешься, – ободрил Шеф. – Когда ВБ завершит проверочные мероприятия, тебя официально переведут на должность важняка. Но ждать мы не можем. Поэтому ознакомление с материалами, находившимися до этого в производстве Некрасова, начнешь с завтрашнего дня.

«Ого! – подумал Ярослав. – Шеф даже не попытался замаскировать истинное положение вещей. А оно заключается в том, что все назначения внутри второго Отдела зависят только от него. Мог бы для проформы вспомнить о решающем слове начальника Управления в вопросе перевода молодого направленного на вышестоящую должность!»

– Параллельно подготовишь свои дела к передаче, линию антитеррора я у тебя на днях заберу, – продолжал тем временем Шеф. – Думаю, капитан Петренко сможет достойно тебя заменить. Хватит ему землю топтать.

Князь Игорь никогда не принимал скоропалительных решений. Это знали все. В его голове, по всеобщему мнению, могли одновременно прокручиваться несколько оперативных комбинаций, в то время как Жук непринужденно поддерживал разговор на отвлеченную тему. Предложение, сделанное им Ярославу, оказалось из разряда тех, от которых невозможно отказаться.

... – А теперь вернемся к «Объекту С», – сказал он около часа тому назад и достал из ближайшего сейфа один за другим три опечатанных пластиковых футляра. Аккуратно разложив их перед собой, он испытующе посмотрел на Ярослава.

– Дальнейший ход беседы зависит от твоего ответа на самый важный для чекиста вопрос.

«Как уйти на пенсию здоровым», – не к месту всплыла в голове одна из шуток Классика, и взгляд Ярослава непроизвольно обратился к страшному фото.

– Любишь ли ты свою работу и Отечество? – спросил между тем Шеф. – Звучит пафосно и приторно, но суть проблемы отражает верно. Потому что в ближайшие несколько дней тебе придется пересмотреть отдельные из своих устоявшихся взглядов... Если, конечно, возьмешься за направление, ранее бывшее в ведении Некрасова.

– Насколько я понимаю, это дело не терпит отлагательств, – ответил Ярослав. – Разрешите вопрос? С чем связана такая степень срочности? Я, если честно, еще не могу прийти в себя от того факта, что Коля погиб.

– Полагаешь, я бесчувственное чудовище, обеспокоенное только результатами и показателями оперативно-розыскной деятельности? – жестко произнес Жук, прищурился. Кстати, Ярослав в тот момент так именно и считал. – Да ни хера! Я сейчас должен волосы на себе рвать! Это по-человечески. А как начальник второго Отдела я должен думать о том, что любое мое промедление может стоить кому-то жизни. А чтобы этого не случилось, надежный работник должен поднять упавшее знамя. Думай!

Князь Игорь резко встал из-за стола и прошел к дальнему сейфу, скрывавшему его знаменитый на все Управление бар. Нижний ярус, полностью переделанный под холодильную камеру, полковник Жук открывать не стал. Потянул на себя тяжелую верхнюю дверцу. Внутренность сейфа озарилась приглушенным желтым светом. В глубине блеснули бока стеллажей с разнокалиберными бутылками. Не глядя он достал первую попавшуюся, оказалось, ямайский ром. Вернулся к столу, щедро плеснул в пустой стакан из-под чая, выпил в два глотка.

– Тебе не предлагаю. Думай! – сообщил он Рязанцеву и, отойдя к окну, замер там.

Ярослав честно попытался последовать приказу Шефа, но мысли упорно разбежались, перескакивая с одного эпизода на другой. Почему-то рядом незримо маячил Коля Некрасов, как будто пытаюсь чем-то ему помочь. Опять некстати вспомнился очередной анекдот, рассказанный Классиком буквально на прошлой неделе. По его словам, анекдот был стар и бородат, но многие склонялись к мысли, что его изобрел тот самый Савва Спиртонос, от родства с которым Коля упорно открещивался.

« – Значит, так, – как обычно начал он рассказ. – Представьте себе здание на Лубянке. То есть те еще времена. Сидит дежурный, скучает. Тут заходит человек в шляпе и плаще и на ломаном русском сообщает, что он есть мирканский шпиен.

– А у вас рация есть, товарищ? – интересуется дежурный.

– Йеп!

– Тогда вам на первый этаж, кабинет такой-то.

Заходит вражина в указанный кабинет, там его спрашивают:

– Шпион?.. Американский? С рацией? Ух ты! А пистолет у вас есть?

– Йеп!

– Тогда вам на второй этаж, кабинет такой-то.

Долго бегал вражина по Лубянке, поднимаясь все выше и выше. На самом последнем этаже забегает он в первый попавшийся кабинет и в отчаянии кричит:

– Ай эм мирканский шпиен! С рацией! С пистолетом! В воротнике ампула с ядом! В кармане блокнот с явками и паролями! Вот!

А в том кабинете сидят два старых направленца, колбаску на газете режут, ибо время обеда наступило. Переглянулись они и спрашивают вражину:

– Ну а задание у вас есть, товарищ?

– Йеп! – отвечает иностранец.

– Ну, так идите выполняйте!»

Образ смеющегося над шуткой вместе с другими ребятами Классика так явственно возник перед его внутренним взором, что Ярослав невольно вздрогнул и вновь посмотрел на фото. Рядом с ним, словно крышка гроба, лежал один из черных пластиковых футляров. «Объект С».

Любил ли Рязанцев свою работу? Пожалуй, да. Только ответить на вопрос «почему» вряд ли смог бы. Военная контрразведка являлась поприщем, требующим от своих адептов полной отдачи. Сотрудники, с течением времени перестававшие верить в дело, которому служили, и начинавшие сомневаться в его необходимости, здесь долго не задерживались. Система выдавливала их из себя, словно здоровый организм поселившуюся в нем болезнь. Бесталанные опера не могли рассчитывать на продвижение по служебной лестнице, оседая, как правило, на спокойных участках или переводясь на техническую работу. При этом сообщество контрразведчиков всегда оставалось конгломератом одиночек. Большинство оперативников являлись махровыми эгоцентристами и индивидуалистами. Для многих слово «коллектив» было вообще понятием абстрактным. Ни в одной организации, за исключением МФБ, такие черты не могли принести им пользы. Здесь они оказались востребованы. Только одиночки могли принять жесткий режим секретности, подразумевающий недоверие даже к самым близким коллегам-приятелям. В любом армейском коллективе промашка одного была бы замазана круговой порукой и молчанием многих. Там это норма. В среде контрразведчиков оступившихся товарищей не прикрывали, и этот факт принимался всеми как данность, потому что за служебные ошибки чекистов иногда приходится платить слишком дорогую цену. В академии и на факультетах переподготовки молодым контрразведчикам доходчиво разъясняли, как один-единственный предатель мог развалить работу целого органа и поставить под удар безопасность Отечества. А Отечество необходимо любить. Причем «по-русски»: не за что-то, а вопреки всему. С этим вопросом у Ярослава была полная ясность. Понимая критичным умом многие недо-

статки и упущения государства, он верил, как и большинство россиян, что в будущем Отечество сможет стать сверхдержавой без всяких «почти».

Глядя в отражение на затемненном оконном стекле, полковник Жук наблюдал за подчиненным, считывая малейшие оттенки эмоций, пробегающие по его лицу. Ему не нравилось то, как часто Ярослав поглядывает на фотографии с места предполагаемого убийства и произвольно потирает бритый наголо висок. Если Рязанцев откажется, рухнет вся выстроенная комбинация, изначально замышлявшаяся несколько по-другому. Николай Некрасов не должен был погибнуть! Буквально на днях начальник второго Отдела планировал осуществить передачу дел и должности от него Рязанцеву обычным путем. После чего Классика ждали повышение по службе и перевод в западные регионы страны. Вчера в одночасье все изменилось. Управление напоминает бурлящий котел, а Ярослав полон сомнений и противоречий. Но, зная подчиненного, Жук с уверенностью мог дать гарантию, что молодой направлонец примет вызов, даже не зная толком, во что ввязывается. По-другому быть просто не может! Время поджигает, его остается все меньше.

...Когда Рязанцев покинул кабинет, забрав с собой футляры с литературными делами, полковник Жук позволил себе несколько минут отдыха. Налил еще одну порцию рома и, неторопливо отпивая его мелкими глотками, погрузился в раздумья. Предстояло сделать несколько важных звонков. После этого зайти к начальнику Управления и пережить тяжелый разговор по поводу гибели сотрудника, в ходе чего ответить на сакраментальные вопросы «кто виноват?» и «что делать?». Помимо этого, насколько знал Князь Игорь, из Питера должна на днях прилететь специальная комиссия. Ее члены также будут искать ответы на эти вопросы. Для этого им потребуется досконально рассмотреть собранные специалистами ВБ материалы в отношении «суицида» подполковника Некрасова. В составе комиссии Великоамурск посетит и некий генерал, имеющий допуск к материалам по «Объекту С». От беседы с ним будет зависеть судьба начальника второго Отдела. Так полагали в столице, таким же образом думал и некто, известный в узких кругах как Мастер-Ловец. Но Князь Игорь был иного мнения. Именно поэтому он поднял трубку одного из многочисленных телефонов, стоящих на приставном столике, и набрал многозначный номер.

– Вас слушают, – раздался через некоторое время шелестящий, лишенный каких бы то ни было эмоций голос.

– Мне нужно переговорить с Бруно, – потребовал полковник Жук.

В своем кабинете Ярослав прежде всего позаботился о крепком кофе. Только когда кружка с дымящимся напитком оказалась на столе, он достал из черного пластикового футляра первый том литературного дела, несмотря на древнюю дату заведения, до сих пор не сданного в архив.

Итак. Внутренняя опись, лист учета сотрудников, знакомившихся с делом. Ого! Отдельные фамилии оказались очень даже знакомы по страницам «Книги памяти ВКР» и мемориальным фотографиям в музее Управления. Последним сотрудником, ведущим производство дела, был Классик. До него на протяжении семнадцати лет за объект отвечал Игорь Николаевич Жук. Будущий начальник второго Отдела принял «Объект С» в свое контрразведывательное обслуживание, имея на плечах капитанские звезды.

«Круто! Капитан – и уже старший по особо важным делам, – удивился Ярослав. – Это какой же подвиг нужно было в то время совершить, чтобы так подняться? Как минимум, резидентуру какую-нибудь зловредную накрыть. Или на дочке генерала жениться».

Ярослав бегло изучил пожелтевшие от времени листы, покрытые в более поздние времена спецсоставом, замедлявшим старение материала, и с облегчением обнаружил, что стран-

ная информация, доведенная ему Шефом, абсолютно правдива. То, что служебные документы были написаны сухим канцелярским языком, позволило настроиться на рабочую волну. Помимо них под общей обложкой оказались собраны вырезки из отечественных и зарубежных газетных изданий; последние сопровождались переводами. Постепенно перед Рязанцевым из разрозненной мозаики сведений начало складываться достаточно ясное понимание, что же за линию работы предстоит ему тянуть.

Началось все в конце XIX века, когда европейцы впервые открыли «амурские петроглифы» – доисторические рисунки, выбитые на скалах и отдельно лежащих под ними камнях.

Примечательно, что первыми русскими исследователями, посетившими нанайские села Нижнего и Среднего Амура, были военные. Один из них, штабс-капитан Ветлицын, с разрешения своего руководства опубликовал часть сведений о находке. Результат не заставил себя ждать. В 1896 году в дальневосточную тайгу отправилась этнологическая экспедиция, организованная Американским музеем естественной истории. Иностранцам дали возможность сделать зарисовки и фотографии древних рисунков, а также пообщаться с местным населением, немало напуганным таким вниманием к святому для нанайцев и ульчей месту. Когда довольные результатами американцы захотели увезти с собой несколько каменных глыб с особенно интересными, по их мнению, петроглифами, то получили категорический отказ. Не помогли ни бусы, ни спиртное – нанайцы стояли на своем. Следует отметить, что мнение аборигенов в этом вопросе учитывалось не всегда. Но после того как для нужд советской науки из окрестностей нанайского села Сикачи-Алян вывезли несколько десятков петроглифов, смертность среди его жителей увеличилась на двенадцать процентов.

Ярослав мельком просмотрел фотографии и рисунки петроглифов. В них, на его неискушенный взгляд, отсутствовало что-либо примечательное. Отдельные напоминали спирали, круги и другие геометрические фигуры. Также много было стилизованных изображений животных и птиц. «Ладно, потом рассмотрим подробнее», – подумал он и снова углубился в чтение.

Дальнейшие исследования показали, что первые «рисунки» на базальтовых глыбах были выбиты четырнадцать тысяч лет назад, а самые поздние петроглифы появились в IX веке нашей эры. Многие из них, как, например, изображения невиданных на Амуре зверей, представляют загадку до сих пор. Отдельное место в сикачи-альянских петроглифах занимают стилизованные антропоморфные изображения – «личины». О значении рисунков и их происхождении ученые спорили со времени открытия. Исторические аналогии уже довели отдельных из них до Южного полушария: узоры на «личинах» Сикачи-Аляна напоминали татуировки новозеландских маори.

В 1908 году те места посетил известный дальневосточный исследователь Владимир Клавдиевич Арсеньев, выполнявший, помимо прочего, и заказ имперской военной разведки. Будучи сугубым практиком, он не уделил амурским петроглифам пристального внимания, зато с группой казаков и верным проводником – гольдом Дерсу Узала – облазил все окрестные сопки. Часть его отчетов о результатах странствий по местным сопкам тут же засекретили под легендой того, что он якобы обнаружил открытые месторождения золота и платины. Потом началась смутная пора и нечто, обнаруженное Арсеньевым, какое-то время находилось вне внимания властей.

Новый виток интереса к наследию приамурских народов возник в 30-х годах XX века. Отдельные исследователи заявили, что огромные валуны с петроглифами могут быть останками древнего города Гальбу. Подобные высказывания наконец-то возбудили интерес Академии наук СССР. В 1935 году Институт этнографии снарядил в тайгу археологическую экспедицию, и за изучение петроглифов взялся фанатичный исследователь сибирской и дальневосточной старины академик Алексей Павлович Окладников. Его группа разбила стан на берегу Амура вблизи села Сикачи-Алян. Углубившись в тему, он стал со временем одним

из самых яростных защитников амурского феномена. Неутомимый ученый, исколесивший половину Юго-Восточной Азии, Монголию и Алтай, забросал академию ходатайствами с требованиями придания этому кусочку Среднего Амура статуса особого исторического заповедника. Он даже собирался поселиться там насовсем, ограничиваясь скромной должностью директора музея петроглифов. Не разрешили. И музей, кстати, создать не позволили. Даже обширные связи среди партийного и научного истеблишмента не помогли.

Не знал неистовый академик, что в городе Великоамурске с 1928 года существует очень маленький и очень закрытый НИИ, работающий под эгидой Наркомата обороны СССР. Единственной темой, разрабатываемой его сотрудниками, являлся непонятный объект, открытый когда-то Арсеньевым в приамурской тайге. Сам Владимир Клавдиевич в делах вновь открытого НИИ участие принять отказался и через два года скоропостижно скончался. По официальной версии – от банального воспаления легких. Кураторам института было очень невыгодно расширение круга посвященных и лишнее внимание к этому участку Среднего Амура со стороны мировой научной общественности.

Ярослав машинально отхлебнул из кружки и обнаружил, что кофе уже остыл. Допил его залпом и углубился в изучение старых черно-белых фотографий. Пресловутый объект представлял собой комплекс из двух П-образных каменных образований, стоящих друг напротив друга на расстоянии около десяти метров. Чем-то это напоминало знаменитый Стоунхендж или алтайские дольмены. Огромные продолговатые, грубо отесанные глыбы, поставленные вертикально и покрытые еще одним гигантским каменюгой. Судя по измерительной планке, поставленной рядом с одним из камней, между ними не пригибаясь могли пройти плечом к плечу двое взрослых мужчин. Рязанцев сосредоточился на фотографиях. Так, снимки с разных ракурсов. Отдельно – вросшее в землю основание каждого камня. И петроглифы, куда же без них. «Очень интересно... Камни посреди тайги. Ну и что?! В чем подвох?»

Контрразведывательное обеспечение НИИ, скрывавшегося под крышей безликого «почтового ящика», и предстояло осуществлять Ярославу Рязанцеву. Официально институт изобретал очередной чудо-прибор в интересах Министерства обороны. А при чем здесь древние булыжники? Весь остаток дня направленец посвятил тому, что пытался найти ответ: чем же на самом деле занимается этот маленький засекреченный научно-исследовательский институт? Что стало причиной его образования в далеком 1928 году? И почему он не развалился до сих пор?

А документы, содержащиеся в литерных делах, ответа не давали. Напротив, Ярослав запутывался все больше и больше. Потому что где-то в середине первого тома содержание отдельных справок стало отчетливо попахивать чертовщиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.